

"Впречь бы это время в приводной бы ремень". В.Маяковский

Ж У Р Н А Л

№10 (22) О 2009

Э Т О В

Р Е М Н И В Р Е М Е Н И

Р Е М Н И   в Р Е М е Н И

Впречь бы это
                                время
                                в приводной бы ремень, –
спустят
                                с холостого –
                                и чеши и сыпь!
Чтобы
                                не часы показывали время,
а чтоб время
                                честно
                                двигало часы.

Владимир Маяковский

Хлебников предложил свой проект обуздания времен – «Мирсконца». Человек сначала умирает, а в конце жизни рождается. И правда, все было бы не так трагично и более эстетично. А, может, так и было в раю, а потом переворот. И время двинулось в обратную сторону. Не от смерти к жизни, а от жизни к смерти. Ну как, согласились бы вы двигаться от старости к юности? От юности к детству? Космологи говорят, что такое возможно вблизи черных дыр. Обратный ход времени. Тогда вечность это тот самый приводной ремень, закрученный лентой Мебиуса. Двигается он одновременно из прошлого в будущее и из будущего в прошлое.

А точка перехода смерть-рождение – рождение-смерть Что-то подобное я уже читал в коане про попа и собаку: «У попа была собака / Он ее любил / Она съела кусок мяса / Он ее убил / И в землю закопал / И памятник поставил / И надпись написал: / У попа была собака / Он ее убил... и т.д. до ∞

Только не надо думать, что повтор возможен. Одно и то же слово, повторенное дважды, уже другое.

Точка переворота находится в самом человеке. Вот для чего он и существует, чтобы всегда было время. А если всегда время, то это вечность.

Как там у Льва Толстого в «Войне и мире»: трудно представить вечность – почему же трудно? Вовсе не трудно. Сегодня есть, вчера было, завтра будет, всегда будет – отвечает влюбленная в Андрея Наташа.

А «завтра» ее увезет Курагин.

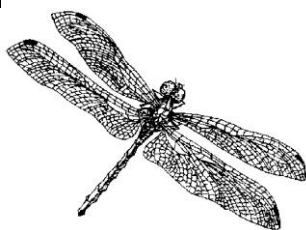
А «завтра» у нее на глазах умрет от раны Болконский.

А «завтра» она выйдет за Пьера и народятся дети.

А если в обратную сторону, как у Хлебникова, то все закончится балом.

*Константин Кедров,
главный редактор*

Автор фото на обложке – Виктор Ахломов, заслуженный работник культуры, ДООС – линзаавр

Из антологии ДООСа

Вы были когда-то ребенком, читатель, а может быть, вам посчастливилось остаться им по сей день. Вы, конечно, не раз в сияющий солнечный день, сидя на берегу быстрой речки, ловили взором прелестную стрекозу, зеленую или голубую, которая стремительным, резким косым летом переносилась с кустика на кустик и словно лобзала кончик каждой ветки. (Я проводил за этим занятием долгие дни – плодотворнейшие дни моей жизни.) Вспомните, с каким любовным вниманием ваша мысль и взор следили за этим маленьким вихрем пурпуровых и лазоревых крыл, свистящим и жужжащим, в центре которого трепетал какой-то неуловимый образ, затененный стремительностью своего движения. Это воздушное создание, чуть видное сквозь трепетанье крылышек, казалось вам нереальным, призрачным, неосязаемым, неразличимым. А когда, наконец, стрекоза опускалась на верхушку тростника и вы, затаив дыхание, могли разглядеть продолговатые прозрачные крылья, длинное эмалевое одеяние и два хрустальных глаза, – как бывали вы изумлены и как боялись, что этот образ снова превратится в тень, а живое существо – в химеру!

*Виктор Гюго
«Собор Парижской Богоматери»*

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

***

Я нарисовал время –
получилось
зеркало в зеркале.
Зеркало будущего
отразилось
в зеркале прошлого.

Так возникло
настоящее –
встреча двух отражений.

Стихи 2009 года

***

Вот я скажу: время
А потом снова: время
И второй раз
это будет неповторимо
А в третий – уже как вечность

***

Маяковский запрягает время
«Ну тащися сивка шара земного»*
Шар земной говорит:
«Я тащусь».

* В.Хлебников

***

Время как Тамерлан
Или хан Тохтамыш
Требуется свою дань
Требуется твою жизнь

Стояние на Угре
Лучами мечей гремя
Помилуй меня вре
Помилуй вре-
мя

***

Я мер время
Мера времени я
У меня есть время
У времени нет меня

СТЕКЛЯННЫЙ РОБОТ

1964 г.

Я плачу от голода ласки,
но сердце мое заржавело,
и каждый глоток воды
становится купоросом.

Кариатиды рыдают ночами
на камни ложится туман
и дома рассыпаются в пепел
и мертвые петли
повисли над головой.

Не трогайте меня.
Я стеклянный робот.

Ничего не понимая,
уйду от вас.
Вдруг северное сияние
вдаль в глубину себя
и я очнулся черный, как дерево в снегу
и так же неловко
пытаюсь я броситься в небо...
Останутся только слова
солёные, как поцелуи.
Вот я вырезал человечка
я вырезал его из своего сердца
вместо себя...
но ведь надо еще объяснить...

От кнута похожий на зебру
я бежал по кругу
видел только горящие глотки и губы
лиц целующих и зовущих.
Круг Луны
Круг Солнца
мы бежим по кругу
мы с тобой то и дело
натываемся друг на друга.

Телефонный круг вращается как рулетка
я пытаюсь выиграть время
я звоню тебе чаще и чаще.
И в мозгу моем вертятся белые цифры
дня и ночи
и я среди чисел –
колесованный странник...

Плоть стонущей земли
я ощутил внезапно
пошел за голосом,
но не нашел себя.
Вдруг сердце вывернулось наизнанку
и среди вас я оказался голым.

Рисунок Константина Кедрова

Андрей Вознесенский

ДООС – стрекозавр

Это удивительная, уникальная вещь – поэзия. При жизни о Пастернаке никто ничего хорошего не писал, и только после смерти он вырвался на мировую арену. Дело в том, что роман Пастернака «Доктор Живаго» был классическим антисоветским произведением... Этот роман я слышал из уст его автора, и в свое

время я знал наизусть большие куски текста. Это удивительная проза. Борис Пастернак был удивительной фигурой в этой жизни. Его лицо было не как фотография, а как кинокадры, – постоянно менялось. Все время у него возникали идеи на лице, это было прекрасно. 49 лет прошло, как его не стало... У Пастернака была собака, она не была шарпеем, шарпей был у меня. Дело в том, что шарпей умер этой осенью, и мы решили похоронить его около дачи Пастернака... И вот теперь здесь шарпей покоится. Я написал стихи и сейчас их вам прочту.

30 мая 2009 г., Переделкино.

СПОЛОХ

Один, среди полей бесполоых
Иду под знаком Зодиака.
Была ты – чистой страсти сполох.
Национальностью – собака.

Вселившийся в собаку сполох
Меня облизывал до дыр.
И хвостик, как бездымный порох,
Нам жизни снизу озарил.

Хозяйка в черном, как испанка,
Стояла мертвенно бледна,
Собачий пепел в белой банке
Протягивала она.

Потоки слез не вытекали
Из серых, полных горя глаз.
Они стояли вертикально,
Чтобы слеза не сорвалась!

Зарыли всё, что было сполох
У пастернаковских пенат.
Расспрашивал какой-то олух:
«Кто виноват?» – Бог виноват!

А завтра поутру, бледнея,
Вдруг в зеркале увидишь ты –
Лик неспасенного шарпея
Проступит сквозь твои черты.

И на заборе, не базаря
Еще о внешности своей,
Роскошно вывел: «Я – борзая»,
А надо было: «Я – шарпей».

Герой моих поэм невежа
Оставил пепел на меже
Между пенатами и Полем,
Полузастроенном уже.

Между инстинктом и сознанием,
Как на чудовищных весах,
Меж созданным и Мирозданьем
Стоит собака «на часах».

Стоит в клещах и грязных спорах.
И уменьшаясь, как петит,
Самозабвенный черный сполох,
Все ... по небу летит.

Меж вечностью, куда всем хочется,
И почвой – где помет крысиный,
Меж полной волей одиночество
И болью непереносимой.

Вот так-то, мой лохматый сполох.
Перетираются весы.
Как будто инфернальный Поллак
Измазал кровью небеси.

Не понимаю по-собачьи,
На русский не перевожу,
За пастернаковскую дачей,
Я ежедневно прохожу.

Пусть будь что будет. Се ля ви.
Похороните как собаку
Меня, виновного в любви
К тебе одной и Пастернаку.

ЛЕЧЕБНЫЕ ТРАВЫ

Среди поклонников настырных,
Стиляг и бумагомарок
Ты спросишь: «Пастернак – пустынный?».
Пустынный – это Пастернак.

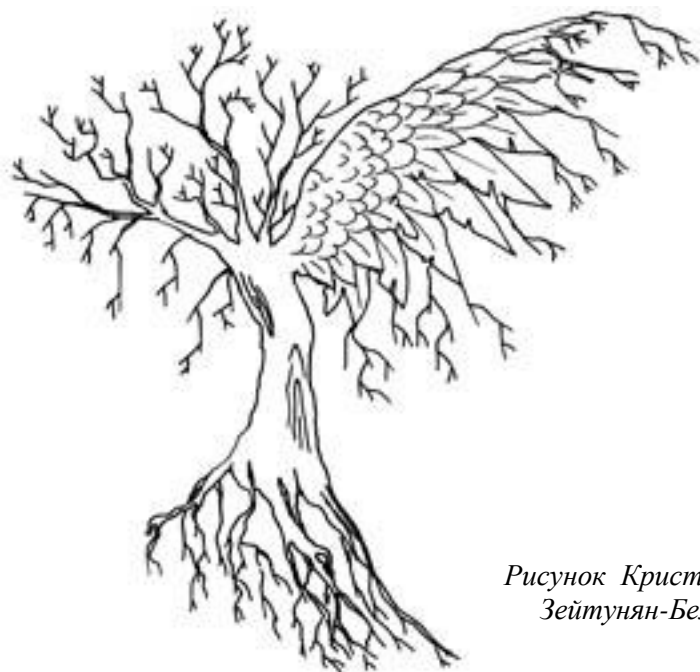
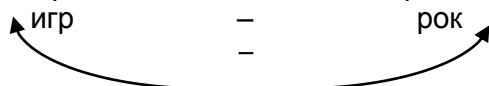

Рисунок Кристины
Зейтунян-Белоус

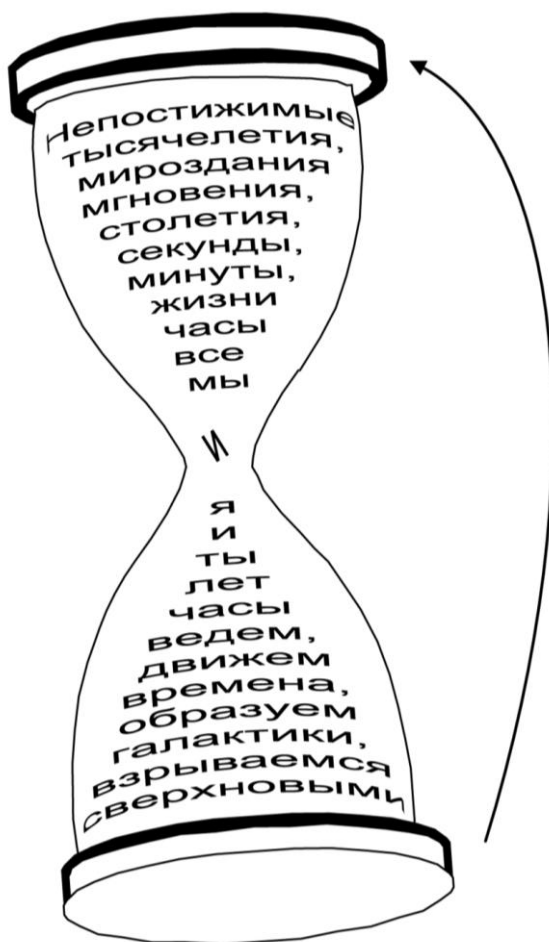
Елена Кацюба
ДООС

МАЯТНИК ПО Э.

император	времени		
кармы	крот		
рубит	срок		
груб	–	крут	
друг	–	враг	
враг	–	друг	
рань	–	утр	
рьян	–	труд	
трон	–	гроб	
дрожь	–	кровь	
труб	–	грай	
груб	–	рот	
крик	–	край	
игр	–	рок	

ПЕСОК ВСЕЛЕННОЙ

Андрей Коровин
ДООС – крымозавр

КТО ЗДЕСЬ

однажды я съел кофейное зёрнышко
с тех пор я не такой как вы
с миром стали происходить странные вещи
по ночам через распахнутое окно
я слышу крики обезьян
тигры моих снов
охотятся на мартышек
а в ванной поселились летучие мыши
за моим окном вместо осени
теперь растут пальмы
а вождь соседнего племени
хочет отдать за меня свою красавицу-дочь
потому что считает меня богачом
из-за множества ручек
которые я ношу в карманах

зеркало и вода
деревянные стрелки времени
и розмарин
сны мои становятся всё абстрактней
я отправил письмо
знакомой гадалке
но мне ответили
что такой гадалки не существует
а по этому адресу проживает Бог
приёмные дни вторник и пятница
с трёх до шести

я шёл к реке
но всегда приходил к морю
я садился в поезд
проехать одну станцию

а проезжал их все
и выходил где-то на краю света
а за углом всегда находил свой дом
мир так устроен
надгробные плиты
лишь двери в другие комнаты
всюду жизнь
особенно там внутри
возле центра земли

единственное чего я не понимаю
это при чём тут женщины
зачем они пришли в наш мир
и почему здесь остались
впрочем у меня есть смутная догадка

по ночам тропический ливень
шумит в моих джунглях
и я по всему дому расставляю тазы
потому что у меня протекает крыша
если кто-нибудь слышит меня
отзовитесь

кто здесь

Александр Еременко

* * *

Константин Александрович Кедров,
Я, наверно, не все понимаю,
Но когда наши души от недров,
Стал зависимей, вот Вам банзай

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС
Париж, Франция

* * *

Вот хищный зверь, лелея тела тлен,
все погружается в упругой жизни скуку.
Вот хищный день, лелея зверя глупость,
раскинул вечеряющий простор
над временем, где слово в куколке растёт —
дух воплощая в звук — и скоро будет слышно.
Но зверь его наверно не поймет...

* * *

Предмет рождает взгляд.
Пространство вырастает
из взгляда и в предмет
вползает, и звенит
по тонким проводам,
и распирает время.
а время точит взгляд,
пространство и предмет.

Сергей Бирюков

доктор культурологических наук
ДООС – заузавр
Халле, Германия

НАПЛЫВЫ

* * *

рисунок роли
вечер моря
квадрат заученного полдня
где приблизительно
и точно
замирное безмерным полня
все также
но уже иначе
препостигая Велимира
путями родовыми
начат
где полнится
и плачет лира

* * *

о времьшах говорил Велимир
как будто время вошло в мышь
и побежало зигзагами – не уловить
нет шалишь
время все-таки надо лить
из кувшина в таз
как будто мыть
год день и час

* * *

ни лета ни зимы
ни мира ни войны
только перманентная революция
в переводе на профанный –
кто кого
но не потому
что время

* * *

оБлетели оТлетели
оСень О
оТБлистали оТсвистали
оТТоГо

* * *

остановись мгновенье!

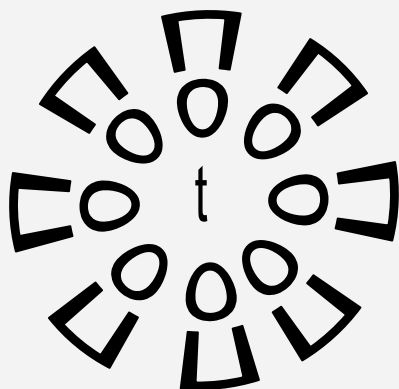
вот и все:

мгновение
оста-новилось

Время. Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Наталья Азарова

друг ДООСа

потоп

остров времени
в
центре

конца
начала
воды

ПОТОП

холмик времени
в
центре

начала
конца

воды

горка времени
насыпанная вручную

* * *

Ю.С.

если сидеть в часах изнутри
время движется

справа налево

и его становится меньше

Алексей Торхов

ДООС – торозавр

Николаев, Украина

**БРЕД, НАВЕЯННЫЙ СОЗЕРЦАНИЕМ
ВОСЬМЕРКИ В СЕКУНДНОМ РЕГИСТРЕ
ЭЛЕКТРОННЫХ ЧАСОВ ЭПОХИ
ЗА ПОЛМГНОВЕНИЯ ДО
СМЕНЫ ЕЕ ДЕВЯТКОЙ**

*(созвучно картине Сальватора Дали «Сон,
навеянный полётом пчелы вокруг граната
за секунду до пробуждения», 1944 г.)*

Восьмёрка.

Вставшая на дыбы бесконечность.

Пляшет,

отбросив стыд и терпение.

С её стороны – просто беспечность.

А с нашей,

со стороны галёрки –

смех на поминках мгновения.

Где незначительно, массово, бледно

и так далее...

Где цветом крови возмущается лейкоцит.

Высказывается едко и остро,

как о богатом бедный.

Где Аппенинский полуостров

сравнивают с сапогом

«мэйд ин италия».

И ни в коем случае

не «мэйд ин польша»,

хотя он больше

напоминает аппендицит

на теле Европы...

А восьмёрка-чертовка пляшет.

Вертит осиной талией –

круглолица и круглопопа...

Сверху душат пальцы, а снизу – смех.

Именно так карта ляжет.

Хоть режьте!

Множьте пробелы.

Ожидали манны небесной?

А взамен – выпал снег.

Он тоже – белый.

Нате, ешьте!..

Но скажут: «Тема мала...» –

те, кто всегда правы.

Что «восьмёрка» – лишь знак.

Увы...

Вам бы жизнь прожить так,

как восьмёрка...

И быть с жизнью на «Ты», не на «Вы».

И не просто отсидеть до звонка в гримёрке.

Для порядка.

А даже за миг

успеть ПРИВНЕСТИ.

Чтоб на смену вам пришла девятка,

а не убогая семёрка,

зажав медяки в горсти...

КАРАДАГ

Вот завет Карадага:
карандаш и бумага.
Будет всё,
если есть Карадаг,
есть бумага и есть карандаш.
Карадаг,
под тобой Коктебель
катит гальки своей карамель.
В городах — карусель, кавардак,
ты умен, не бывал в городах,
Карадаг.
Водишь по морю тень каравелл,
Карадаг.
Дай мне только покой и сухой каравай,
Карадаг,
Пусть проходит замедленно туч караван,
Карадаг,
Разряжая над морем громов карабин,
Карадаг,
Алый парус отыщут твои корабли,
Карадаг,
Я счастливее стал отставных королей,
Карадаг,
Мне пришелся по сердцу морской карантин,
Карадаг...
Собирая камней твоих клад в коробок,
Карадаг,
Основав из себя и тебя городок,
Карадаг,
Я бы старость с тобой скоротал,
Карадаг...

Кирилл Ковальджи

ДООС – кириллозавр

палиндромы экуменизма

По-нашему:
Рим – мир
По-вашему:
Roma – amor

* * *

Сорвав очередной листок календаря,
мне хочется собрать
моих младших братьев –
Александра Сергеевича,
Михаила Юрьевича,
Владимира Владимировича,
Сергея Александровича.

– Садитесь, пожалуйста.
Я расскажу о неведомой вам старости...
Это, конечно, гадость,
но в ней есть своя прелесть,
ей богу!
Только Александр Сергеевич,
Михаил Юрьевич,
Владимир Владимирович,
выньте, пожалуйста, пули,
А вы, Сергей Александрович,
снимите петлю, пожалуйста.

Рисунки Кристины Зейтунян-Белоус

Алла Кессельман

ДООС – дева нот

РИКИ-ТИКИ-ЭПИ-ТАФИ

ИРАН, ИРАН
Академия всех наук
При падении в рай соберите уши в кулак.
и не откусите кончика языка,
когда ударитесь больно, как я упал.

Ярмарка-инвалид, мельница-колбаса –
Все осталось вдали.
Я уменьшился.
Прилип.
И печальная птица с женским лицом
Села весте, приняв меня за яйцо.

Палец мой ушел от меня,
Показав на прощанье «чхе»
голос чешется вдалеке
руда и остальные жидкости
расползлись, как змеи, по местной дикости.
Тело мое разбрелось.

Кто я?

Я – Блаженный Башмак в покое
готовый прождать века,

пока надо мной не грянет твоя нога.
Или гусеницей, почувствовав след былья,
ты вползешь и скажешь:
«Здравствуй. Кажется, это я».
И мы пойдем, Гусеница с Башмаком,
И назовем заново все облака
и я подниму незримо свои шнурки
чтоб показать, что готов основать Рим,
но облака в любви – это китч.

лучше давай играть так:
ты тикай: тики-тики
а я один раз отвечаю «так»,
что означает «да», означает «дампф»
сквозь меня начинает журчать вода
я ухожу, а ты останешься тикать

Тихо-тихо

Лоренс Блинов

ДООС – звукозавр
Казань

ПОЭЗОДЕЛА (те и) Эти – кетки

1. Саррот
Н. Здес
ь. Откр
ойте: К
нига...

2. Краткий
Философ

3. Ф. Ниц
ше. Так
говор
ил за

4. Кьеркег
ор С. Н
аслажде
ние и д
олг.

5. Семенов
а. Трен
инг эмо
циональной
ной...

6. Сидор
енко Е.
В. Псих
о драма

7. Чуфаров
ский Ю.
оология
обще

18/VII-03.XXI

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

Специально
для ПО

СТОТЫСЯЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

и вот я старый хрыч московский и мне о чем-то говорят
борисоглебский трубниковский лебяжий знаменский арбат

арбат ар-батя ты босоту и знать шутя объединил
люблю из дома на работу идти счастливый как дебил

люблю арбат не донимая его как хищный гей-маньяк
люблю грозу в начале мая когда в «му-му» я пью коньяк

люблю арбат так любят пешки ферзя ведь он неотразим
люблю и новые кафешки и старый зоомагазин

люблю арбат так шеф газпрома наверно любит уренгой
люблю и выходить из дома люблю и приходить домой

29.03.2009

Борисоглебский переулок

***

Леночке Зейферт

год ускакал как зеленый кузнечик
век-волкодав превратился в щенка
я понимаю что хвастаться нечем
я понимаю что жизнь коротка

но вспоминаю что было со мною
пять тысяч лет или больше назад
и говорю с вековой сосною
точно мичуринец или юннат

и говорю с тем далеким мальчишкой
что не родился на свете пока
и точно зэк говорю перед «вышкой»
все перемелется будет мука

15.06.2009 Трубниковский переулок

Ирина Бессарабова

Ремни времени... Тут так много отзвуков.

Вот Мандельштам: «Блажен, кто завязал
ремень / Подошве гор на твердой почве».

А вот Матфей: «Я не достоин развязать
ремень обуви Его» (слова Иоанна
Предтечи). Ремни сандалий времени...

Время – эта та ипостась Бога, которая
пребывает на земле, Христос: «Царство
Мое не от мира сего» – то есть, над
земным временем. Раушенбах писал, что
Троица – вектор; одно из направлений –
земля, земное, временное, время.

А вот слова Никиты Струве:
«Мандельштам оправдывает детскую
«заумь» Данте необходимостью
«описывать окружность времени, для
которого тысячелетие меньше, чем
мигание ресницы».

***

Из венка сонетов «Каторжник»

Свой путь, своя свобода, свой удел –
Все предано. Но ты не умираешь.
А каторжнику с картотекой дел
Не свойственна ни суета, ни жалость.

О время! Рабский век твой, рабский труд!
Ты – каторжник с печатью цифр угрюмых.
Раб всемогущий: корабли везут
Столетье за столетьем в темных трюмах.

И только Тот, Кто время превозмог,
Когда-нибудь совсем понятным станет.
И Чаша переполнится Святая,
Царь времени не называет срок.

А Христофор с Младенцем на спине
Останется в небесной глубине.

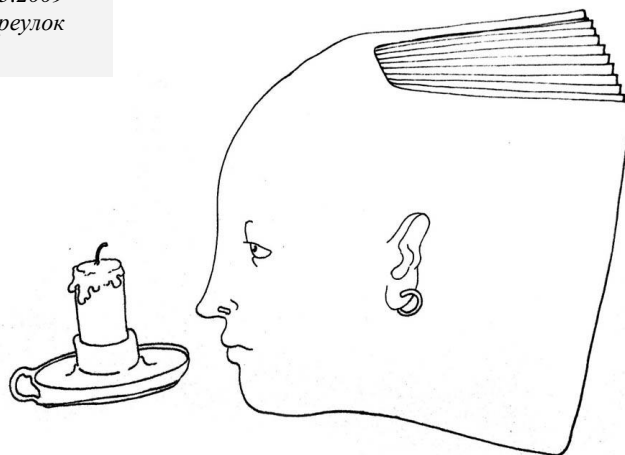

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Ольга Ильницкая

КРУГОВОРОТ ВРЕМЕНИ

Не все птицы пролетели мимо.
Еще прикус зверя мне ясно виден.
Еще одиночество неотступно
думу думает: кто в дверь постучит?
О главном, о чем понимаю, скажет:
«Разве тебя научили плакать?»
Разве меня ты видел слабой,
ты, о ком думать совсем не помню,
ты, о котором правды не иму,
ты, для кого дышать отказала,
жить отказала, любить сохранила?
Что же еще мне в мире нужно,
если не все пролетели мимо
птицы, не все улетели... те ли...

*

Господи, скольких уже ты знаешь?
Ты одинок? А весь мир страдает.
В каждом народе живет Спаситель.
Спаситель распят, а народы плачут.
Двери, засовы, жилье сквозное,
дверь, коридоры, опять засовы.
И кто подскажет, что это значит...
Ветер – безличный глагол – все ветрит.
Русский язык для кого не награда!
Видно, как встарь, совпали пунктиры
воспоминаний о настоящем,
если один ты мне больше и больше,
и еще больше, и верно верен.
Но птицы не все пролетели мимо.
И жизни не все прорастают в травы.
И пули не все попадут в цель.
...Но время всегда проходит мимо.

**

Помолчим о тех, кто был рядом.
Подождем, пока берег отступит.
Волны след сотрут, чтоб никто
не запомнил дня, не поверил
ускользнувшему просто рыбой,
соль и йод опрокинувшей с неба.
Обойдем тех, кто глянет криво,
скажет косо, услышит худо.
Станем верить, что на дороге
встретим кормчего, взглянем, признаем.
Скажем: в слово твое поверим,
укажи, куда скрылся берег,
уведи от него подальше.
Словно рыба-игла пронзила –
нас пришел к соленым просторам,
подарил безбрежность и йодом
сбрызнул сердце, чтоб рыжим стало,
чтоб не таяло горьким кристаллом,
а огнем горело, как солнце.
...Рано, рано мы с кормчим простились.
На востоке едва светало.

Продолжение темы "ПО" № 9 "Палиндронавтика»

Александр Бубнов

доктор филологических наук
ДООСОД – палиндрозавр

ПАЛИНДРОМЫ И МОНОПАЛИНДРОМЫ*

(*монопалиндром – длинный палиндром в 2 и более строки, термин введен А.Бубновым в 1993 г.)

1.

А РОЗА УПАЛА НЕ НА ЛАПУ АЗОРА,
А НА

ПАЛИНДРОМ, И НИ БОСОЙ ОСОБИ, НИ МОРД, НИ ЛАП!

2.

МАКУ ВЗЯЛ Я ЗВУКАМ
ЛЕПИЛ Я АВРОР, ВАЯЛ И ПЕЛ

3.

И ЧЕРВИ, И ЛИЛИИ В РЕЧИ
И ГЕНИИ – ЛИЛИИ НЕГИ

4.

Уныл, хмелем хожу...

Ужо хмелем хлыну!..

5.

«Миротвори
Маха
Мономаха!» –
Мировторим.

6.

Мечты ближе? Нежил быт чем?
Мечты, ближе! Не жил быт чем?

7.

«Я, летя, един!» –
ока закон,
инока закон
и деятеля!

8.

(палиндромное хокку)
Москиксом ватстав,
ущилищу овиво,
ващещав мотртом.

9.

и в «Я» вино лил Он, и в Яви.
Он и в ладОни вино дал, вино

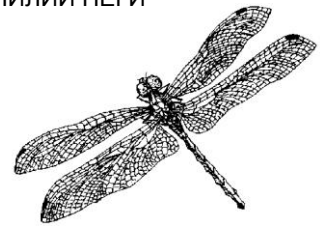

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

***

А однажды озябнут руки.
И тогда-то зима наступит
мягким унтом на летное поле.
В ушко дунет – всё ли успела?
Всё ли, всё? А я не отвечу.
Тихо-тихо она приляжет
в летной куртке пилотом старым,
командиром в изношенном шлеме.
На колени пристроюсь рядом,
помолчу. Еще больше озябну.
И уйду по белому полю.
И уйду к тому, кто согреет.

****

Время мимо пройдет, так надо...

Наталья Никифорова

* * *

Смотри-ка, кошка пробежала... дважды.
И, кажется, что было все однажды.
Все точно так же, как теперь идет,
Но не совсем. Чуть-чуть наоборот.

Жизнь отражается в зеркальных облаках,
И возвращается из прошлого в словах,
Туманах и дорогах, и делах.

Петлею времени вытягивая суть
Из образов, что не дают уснуть

МОИ МЫСЛИ О ВРЕМЕНИ

Вопрос времени волнует и занимает многих и меня в том числе. Я пришла к выводу, что время не однозначно. Еще один вывод: главное в этом мире наши чувства.
Если эти два вывода наложить один на другой, получим, что продолжительность минуты зависит от ее наполненности чувствами. А т.к. чувствовать тоже нужно учиться, мы учимся этому всю жизнь (для этого мы и приходим в этот мир, научиться чувствовать, научиться любить, пропустить сквозь свою душу любовь), минуты со временем должны были бы удлиняться, т.к. все больше и больше наполняются чувствами, но они укорачиваются!
Это говорит о том, что зависимость не прямая. И возможно есть некая постоянна, зависящая от наполненности чувствами и от продолжительности минуты. Объем чувств, если хотите. Чем больше и глубже чувствует человек, тем короче становится продолжительность минуты, с тем чтобы эта постоянная минутный объем чувств оставался неизменным. Но т.к. чувства бывают со знаком плюс и со знаком минус, т.е. положительные и отрицательные, то продолжительность у минут бывает разная и по этой причине. У зубного врача чувства отрицательные, наша укоротившаяся с возрастом минута удлиняется, отпуск несет с собой положительные эмоции, время ускоряется еще больше, и он пролетает как мгновение.

Вадим Месяц

ЧЕРЕПАХА

Громоздкая, как гнездо ночной кобылицы,
выложенное перьями вещих птиц,
черепаха катится под откос,
сотрясая в утробе своей
подковы небесного алфавита.
Волны Иктийского моря встречают ее,
жадно захватывая в объятья.
Так Керридвен избавляется от сына,
родившегося от куриного зерна.

Пророк заточен в костяном мешке.
Костяной мешок перевязан морским узлом.
Продолжается битва добра со злом.
Кровь медузы – для разжигания войн,
окаменелый еж – пропуск к царю,
гуся несут на север под хриплый вой
неотпетые души: допоют к утру.

Черепаха нужна, чтоб отыскать твой дом,
даже если несет поэта внутри себя.
Пересекая тысячи тысяч миль,
обходя каждый упавший якорь и острый киль.
Она всегда находит путь в свой родимый дом,
словно голубь почтовый летит с письмом.

Рыбачьи сети словно хоругви в воде,
кривоногий принц стоит у входа в залив.
И в огромном замшелом яйце бьется речь,
бьются два сердца в костяном мешке.
И одно готово десницу царя отсечь,
а другое чертит спирали в сыром песке.

Александр Чернов

ДООС – днепроразвр
Киев, Украина

* * *

Неповторимый кагор
в храме Бориса и Глеба.
Ангелы третьего неба
помнят о нем до сих пор.
Время – особенный хмель.
Тусклый сосуд с виноградом
плавает в заводи рядом,
словно с икрою форель.
Темный и светлый изюм
кубарем выпал в осадок.
Сцеплены купол с фасадом,
как водолазный костюм
Буря в стакане воды,
в лампе слепого накала,
если стояли цветы,
будут лететь как попало.

Ольга Адрова

ДООС – рок-стрекоза

ЧЕЛОВЕК

Разве не изумительно
Быть только началом,
как эти волны, –
лишь начинать движение
всегда, всегда и всегда,
Если не ведает страха
Морская волна?
Мое дыхание – ветер.
В нем соль морской волны,
в нем ты.

МОРСКОЙ БАЗАР

Нет, я не Робинзон.
Нет, я не чайка.
Нет... При виде краба
Не против я
Пожать ему клешню.
И иногда за рыбой наблюдаю,
А рыбы так скользят,
Как я люблю.

Лилия

Что же ты хочешь, звоня ему,
Даря ему лилии?
Его каждый сон невесом, как стон,
Но он – линия...
А твое сердце – лилия.
А ты – лилия.
Линии «ли-ли-и» выпевают в тон,
Но они не то.
Линии о лилиях: «хороший тон», –
Но они не то.
Лилии тоже пленяются линиями,
Их влечет эшафот:
Ведь с эшафота пущены лилии
В обиход.
Для лилий линии
Построили эшафот...
Соскользнут с эшафота
Неприменно лилии,
Не имея линии.
Без лилии давно все линии
Сгнили бы.

Говорил Маяковский:
– Лиля и я!
Поэт – это Лилия.
Но Лиля сказала:
– Люби ме-ня!
Это – линия.
Пусть лилии –
Без имени,
Без вымени.
На лилиях все линии
Сгнули!
Как я любила бы тебя,
Не будь ты линия.
Но ты тоже Лиля моя!
НЕ ЛИЛИЯ.
Задом наперед
И вперед-назад
Идет линия.
Но лилия любви
Выбегает в сад.
Она – лилия.

Галина Мальцева

ДООС

ЧЕРЕПАХА ВРЕМЕНИ

– ЧЕРЕП – АХ!

– А?

Леся Тышковская

ДООС – стрекозабчка
Париж, Франция

НЕВИДИМЫЙ МИР

(песня стрекозабчки)

Крылья бабочек прозрачных
промелькнув в пытливом взгляде,
новый полюс обозначив
в ноосфере белых пятен.
Так бывает только в детстве,
когда мир, творимый зреньем,
оживает неизвестным
в уравниенье.

Невидимый мир.

Так пыльца ложится или
так живет воображенье...
Но законами отныне
управляет отраженье.
Так бывает только с кем-то,
рассмотревшим сквозь пространство
в стайке ветреных моментов
постоянство.

Невидимый мир.

В стиле комнаты, где кокон –
освещеньем осторожным
говорят на незнакомом,

обитают с невозможным
преломленья искры божьей
собирают по частицам
скорость света наблюдают
сквозь очки, где –

Невидимый мир.

Так рождаются полотна
или денежные знаки.
Все равно, где быть свободным:
навью или бумаге.
Вслед за мыслью путешеству-я,
в одиночество не веря,
так рожают сумасшедших
их идеи,

их невидимый мир.

Рисунки Кристины Зейтунян-Белоус

Александр Люсый

СЕВАСТОПОЛЬ-2007

*«Иду я по гальке.
Мечтаю
о Гальке...»*

Снова бреду
по гальке
бесконечной
пустыни
Интернета.

Волны имени
«Галька»
омывают
мои ноги
при этом.

Я слышал
о высшей степени
народной любви –
вымыть ноги
и выпить
всю воду.
Как
сквозь отраженья
в экране
текущей
всемирной
Интернет-
...ни-ни
прорубить вновь
окно
в Севастополь?

Юлий Хоменко

Вена, Австрия

***

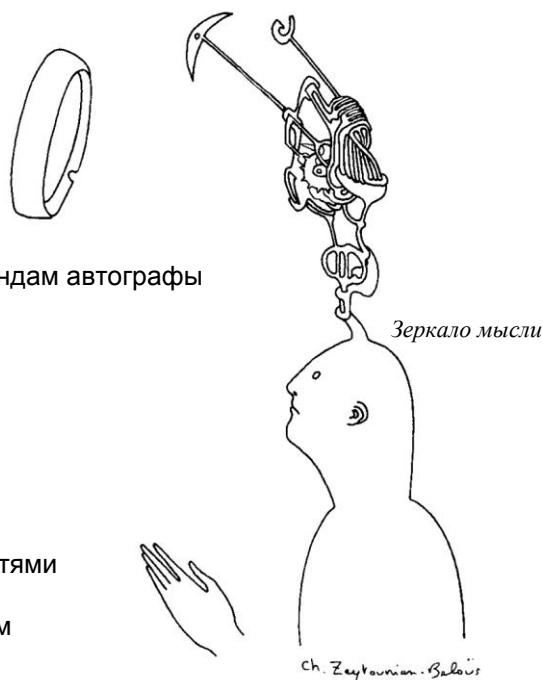
За ночь до полнолуния
Чуть выпуклая луна
Напоминает гипсовую посмертную маску Бетховена —
Экспонат музея-квартиры композитора в одном из предместий Вены.

Интересно,
Не сам ли Бетховен накликал это сходство,
Нашупывая сквозь обступившую глухоту
Нужные клавиши для «Лунной» сонаты?

Впрочем, название это композитору не принадлежит.
Оно и понятно:
Не мог же он видеть собственную посмертную маску,
Отбрасывающую лунный свет на разложенные по стендам автографы
И личные вещи.

Черепаша

Депортированная из пустыни в городскую квартиру
В знак протеста отказывается от пищи
Постепенно теряет в весе
Становится легче воздуха
Поднимается в небо качая растопыренными конечностями
В качестве НЛО регистрируется спецслужбами
Проходит в секретных списках под кодовым названием
Черепаша

1. Вначале (несколько месяцев он раздумывал, как начать повествование) их встреча, скажем условно, — «встреча» ибо под этим словом подразумевается обоюдность, столкновение желаемое или случайное некоторых участников, а не одного. Итак, встреча состоялась возле Аустерлицкого вокзала. Начало приблизилось к нему, протискиваясь через толпу сгорбленных, спешащих, лежащих у обочин дорог, на железных решетках вентиляционных колодцев метро из которых зимой и летом выносятся теплый смрадный воздух. Начало закрутилось юлой вокруг себя и вереницей черных птиц село на своё плечо. Потерлось о ножку стола кошачьим боком, проголодавшись. Замерло, отразившись, в ветровом стекле автомобиля, напротив, у дорожной бровки. Замерло с множеством полиэтиленовых пакетов больших и малых из расположенных неподалеку от вокзала магазинов; пакеты парили в воздухе - шепот на вздутых губах ветра.

Ангел-свидетель стоит, опустив руки, устал от дальнего пути

*Одежда светится телом
Напросвет
припав на колени
крыльями опадает блеск
ограниченных осколков
драгоценных камней
разбитого стекла*

2. В час, когда вывозят грохочущие мусорные ящики о двух колесах, когда час мусорных ящиков еще грохочет на улицах, писец-самозванец выходит мирным шагом перебирать мысленно слова, подбирая в материнской шкатулке подходящий бисер: украсить подол неуловимости часа цветным узором повествования.

*На улицах города
время толпится
волной
слова оседают
красно коралловым
рифом
рыбьей рифмой
чешуйчатым мифом*

3.

*Взгляд в
отражении своём
близнец в близнеце
замер с разбегу
в сердцебиении часа
на его гребне
в равновесии шатком
на натянутой предельно
вене – канате*

4. Впервые кружились множественно вздутыми пакетами различных размеров. Преобладали оттенки синего цвета. Полиэтиленовые капли небесной лазури скопились напротив Аустерлицкого вокзала.

Женщина, живущая на улице, клошарка сидела на гранитной бровке лицом к движению машин. На ней припорошенные пылью лохмотья: края рваной раны у равномерного хода улиц. Лиц. Впервые взглядом коснулось её постоянно шевелящихся губ полтора

полиэтиленовый куст пламенел радужно на перекрестье бульвара Порт-Руаль и авеню де Гобелен. Слова шелестели пленкой пакетов, мотыльками уносились вдаль осью вращения колес.

5. Попутный сон.

Появляются три ангела. Усаживаются симметрично за призрачный стол. Граненая прозрачность стола ускользает неуловимостью рассвета. Золочено протягивается озаренное небо, держа раскидистые ветви дуба. В тающем свете на столе лежит хлеб в треугольной вазе. Хлеб, хранимый на черный день.

6. Женщина средних лет сидит на обочине. Не просит милостыню. Не смотрит на прохожих, Лицом к машинам. За неё беспокоится: автомобиль заденет, не заметив. Старуха остановилась напротив, воскликнула – она же не в своём уме, как можно оставлять таких на улице! Возле наполненные всякой всячиной пакеты, полупустые бутылки с водой, завернутые в цветную алюминиевую фольгу куски хлеба. Куча одежд привязана к тележке. Она в двух остановках метро до вокзала Монпарнас. На уровне улицы Кампань Премьер. Почти завершен многолетний путь от вокзала до вокзала, с юго-востока на юго-запад. У неё благовидное лицо, восточного типа. Напоминает известную переводчицу М. Несколько дней позже, он протянул ей несколько монет. Она взяла их, поблагодарив, смотря прямо в глаза и тут же отвернув голову.

7. Её губы шевелятся быстро-быстро, неслышно шепчут в грохоте проносящихся машин. Слагает историю, забыв начало, не предвидя конца? Переводит старательно шаги прохожих, дорожный рокот на язык забытый или незнаемый? Губы мелют твердость слов в муку рассыпающихся происшествий, в глагольную пыль. Щелочь молитвы шептания растворяет каменность слов, их вещность.

*Рядом – мрамор березой каменится
вокруг – небо вздыхает воздушно лазурным шаром*

*над – промчатся облака крон акаций
под – сенью которых прохладна тень всем
повсюду – разлетится мыльно сверканье
хрупкого шара
из – соломинки шепчущих уст упадут
милосердно*

капли звуков радужной флейтой света

8. Сидя у дороги женщина ест, окуная палец в баночку с кефиром. Сосредоточенно, как дитя, увлеченное чем-то, не обращает внимания на окружающее. Ест согнувшись, подняв плечи, рваная кофта задралась, обнажив низ грязной спины. Следующим утром бродяжки не оказалось на этом месте. Новый день стер её образ с полотна улицы. С зеркальной поверхности дня испарился пар присутствия. Унесся след овала рта. Чувство нехватки, незаполненности, вызванное отсутствием клошарки вскоре стянулось: кожа на руке после легкого пореза.

Станислав Минаков

Харьков, Украина

ВУРД И ГОЛОВА

(Памяти Г.Г.)

Приношение

Николаю Васильевичу

Душа Вурда есть кость.

Плоть Вурда есть то,

что Вурд ест.

А Вурд – грызть

свой люд.

Люд, стал-быть, – мертв?

Но кто бы бе

течь газ и врубать свет?

Потому люд

не мог-быть

мертв

весь.

Вурд люду своему есть Отец
und

люду своему он есть и Мать.

Вурд не есть ответчик,

Вурд ist

истец.

Вурд

народ свой

уметь имать.

Скор

народу придет

крестец?

У Вурдовых ног

всегда быть чернь.

Над чернью – сверх чуть –

клубится серь.

Массаж ей мозг

и кус ей – в рот!

Ведь серь – та ж чернь,

но – наоборот.

Вурд тож

есть чернь и серь,

но нынче быть Вурдом – его черед.

Вурд рек: «Иго

мое – благо, а бремя мое – легко».

Ан всё обло у него – аки фи́га,

Болт – от компании «Вурд и К°».

Вот – нужная жидкость Вурда, лак, –

Чтоб крыть

всяку стебель

кривд-неправд.

Из ящика песнь

вдруг:

«Вурд – люда зрак

и для люда злак!

Вурд люду – гуру и друг!»

А люд ящику рад,

Ведь ящ.

люду-народу – дар.

Вурд сквозь ящ.

лезет к народу в дома.

Люд, вурдоедомый, стенает,

но терпит, подл.

Ибо суть его – страх,

то есть чумы чума,

обставшая слева и сзади,

изнутри, над и под.

Вурд же – *сверх*подл,

и серых ядущих страшает падл

отлучением от

едомого люда тел.

Но сам Вурд знает свой самый страх:

вдруг ударяет гонг –

адз! –

э! – является Голова.

А за ней – грядет иных

отсеченных голов рать.

И тогда,

галушками губ шевеля едва,

Вурд начинает водяру

не есть, а жрать!

Вурд – быстр,

чтоб увидеть стекляшки дно,

свою совесть увести в пустыню,

а страх испустить в Китай.

Но Голова является –

адзе – адз! – всё одно

и говорит, синяя:

«Тело моё – сожрал,

тогда вот – своё

отдай!»

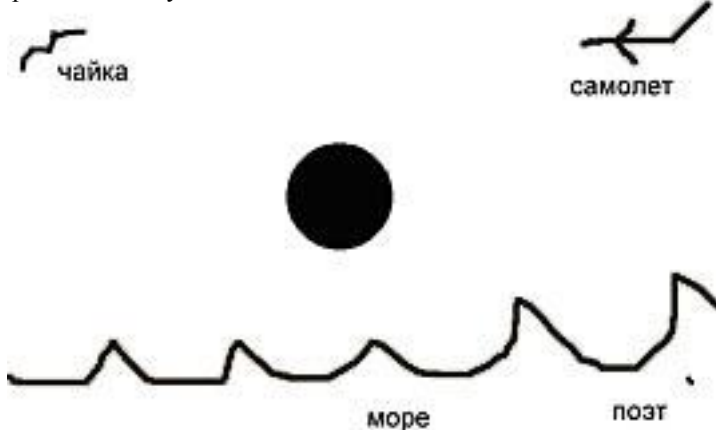
Максим Бородин

Днепропетровск, Украина

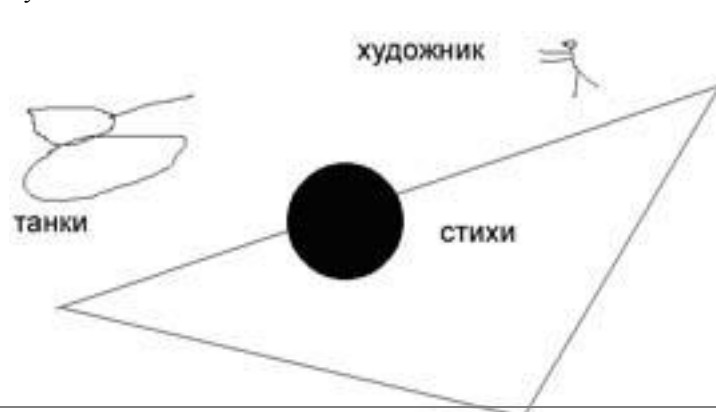
В О Й Н А

Фрагменты

Размышления на тему готовности к началу боевых действий на территории врага, путем мобилизации всех человеческих ресурсов, включая поэтов и художников, призванных служить в пехоте

Размышления на тему тактики общевойскового боя и управления огнем полковой артиллерии, прикрывающей наступление больших масс поэтов и художников, призванных служить в пехоте

Михаил Бузник

1. Время вспорото. Устроением небесным плоти – истина исчезновения скрыта. ДУШУ УЛЕГЧИЛА.	3. Малые части неба – память теснят. Свет же факельный, отзеркаленный – неистребимо над детским страхом висит.
4. Подземный холод неохватный крест печали хранит В солёной вязкости Слов – прах + весть. Первозданного сгустки – временное исключают.	2. Бликов зеркальных секунды скрестились. И неразличимая гармония в движении жизни обратной, переходом небесного перекрыта.

Полина Слуцкина

***
Во сне
Я обнимаю весь земной шар
Растопыренными пальцами я хватаюсь
За Америку, Францию, Англию
Мои руки утопают в Тихом и Индийском океанах
Но что это...
Земной шар вместе с Америкой Англией Францией
Австралией и ЮАР
Выскальзывает из моих рук
Я кричу на английском, французском, немецком –
Но все бесполезно
Я просыпаюсь вся в поту
Почти что падая с моей Вселенной – кровати
Сжимая в своих слабых руках
Ортопедическую подушку

***
Меня опять настиг Прокруст
Суставный раздается хруст
«Кури поменьше!» –
Сигарета падает – пальцы немеют
«Не вытирай руки о халат!» –
Кисти выпадают из суставов
Ступни вяло ведут меня в кафе –
«Если что-то болит – сделай рентген»
Ступни тяжелеют и замирают
Превращаются в отчаянно скрипящие протезы
Которые механически тянут меня к машине
Готовой отвезти меня в больницу.
Прокрустов хруст звенит в ушах
Дается больно каждый шаг

Ольга Гардей

Могилев, Белоруссия

Стеклянная быль

Стеклянные жесты стеклянной руки.
Стеклянные люди ранимы, хрупки,
Прозрачная кровь будоражит виски,
Прозрачные бредят под плотью мозги,
Их мысли прозрачны, прозрачна душа,
Прозрачное тело бредёт не спеша:

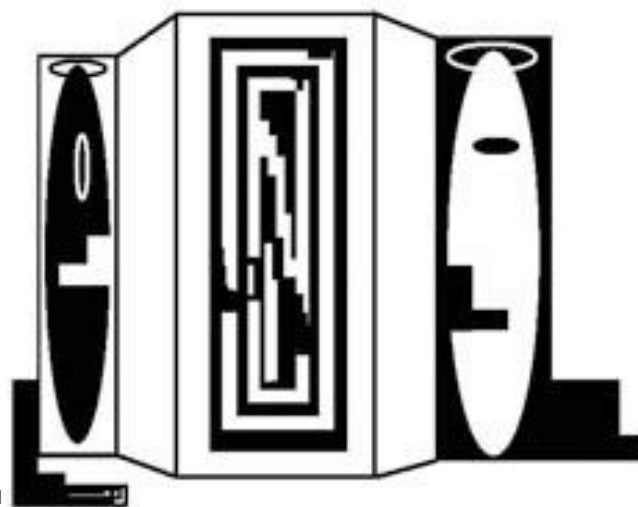
Ни воздух, ни призрак, ни плоская тень.
Стеклянное горло – прозрачная звень
Любовь воспеваает – дитя хрустала
И сердце трепещет от чистого – Ля ...
Прозрачна мелодия, песни слова.
Сейчас разлетится его голова,

Осколки, стекляшечки, звёздная пыль...

Прозрачная сказка?
Стеклянная быль.

***

Взвизгнули квинты,
развязно икнули бемоли.
Тонкие длинные иглы
насквозь прокололи –
Не было в жизни такой
отупляющей боли
Напрочь лишаящей силы,
лишающей воли
Тонкие иглы... как в масло...
в мгновение доли
БАБОЧКУ-ДУШУ
булавкой
к земле
прикололи.

Зеркало времени

Маргарита Аль
ДООС – стрекозАль

Татьяна

Бонч-Осмоловская

кандидат филологических наук
Сидней, Австралия

Гномоном древние греки называли рамку плотника, которой мерили прямые углы. Такая рамка, если ее приложить к квадрату, образует квадрат большего размера. То же название, гномон, получила геометрическая форма, дополняющая квадрат до квадрата большей площади. Возможны не только гномоны квадратов. Елочки с детских рисунков, каждый уровень которых повторяет предыдущий с увеличением масштаба, при этом сохраняя форму дерева; или вложенные одна в другую матрешки – являются реализациями гномов в изобразительных формах. Мы предлагаем литературные гномоны, в которых каждый куплет может быть прочитан независимо, как отдельный «этаж» елочки, а также вместе, составляя текст, развивающийся от Одного до Другого, и далее к Природе, Миру и Вселенной.

Я –
За!

Я –
За
Ней.

Я
За
Ней
Хожу.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом,
Кругом.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья
Зеленеют.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья
Зеленеют,
Красуются.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья
Зеленеют,
Красуются,
Расцветают.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья
Зеленеют.
Красуются,
Расцветают
Подснежники.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья
Зеленеют.
Красуются,
Расцветают
Подснежники
Благоухающие.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья
Зеленеют.
Красуются,
Расцветают
Подснежники
Благоухающие,
Нежносветящие.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья
Зеленеют.
Красуются,
Расцветают
Подснежники
Благоухающие,
Нежносветящие,
Розовоперстные.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья
Зеленеют.
Красуются,
Расцветают
Подснежники
Благоухающие.
Нежносветящие,
Розовоперстные,
Златосеребряные.
Златосеребряются.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья
Зеленеют.
Красуются,
Расцветают
Подснежники
Благоухающие.
Нежносветящие,
Розовоперстные,
Златосеребряются,
Искрорассыпаются.

Я
За
Ней
Хожу
Лесом.
Кругом
Деревья
Зеленеют.
Красуются,
Расцветают
Подснежники
Благоухающие.
Нежносветящие,
Розовоперстные,
Златосеребряются,
Искрорассыпаются
Солнышкозвездочки.

Рисунок
Кристины
Зейтунян-Белоус

Юрий Боров

доктор филологических наук

Красота и трагизм бытия, перетекающие из сегодня в завтра

(Вместо предисловия к подборке стихов)

«Греки все превращали в красоту. В одном из мифов в красоту превращена даже месть богов по отношению к Ниобе: ее детей беспощадно уничтожают стрелами. Как ни страшно это событие, по форме оно прекрасно: ведь стрелы – это солнечные лучи» (См.: Олеша Ю. Ни дня без строчки. М., 1965. С. 188.). Испанский философ XX в. Х. Ортега-и-Гассет писал, что прекрасное задает тон в искусстве (Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 65.). Искусство – высшая форма освоения мира по законам красоты. Оно перерабатывает все впечатления бытия в прекрасное. О чем бы ни говорил художник – о трагических страданиях или о возвышенных подвигах, об уродстве или о комизме, – его творения доставляют эстетическое наслаждение. Датский философ XIX в. С. Кьеркегор так охарактеризовал поэта: это несчастный человек, в чьем сердце скрыты глубокие мучения, но чьи губы устроены так, что, когда стон вырывается из них, он превращается в прекрасную музыку. В этой характеристике переосмыслено древнее предание. В подарок тирану скульптор Перилл отлил огромного бронзового быка, полого внутри. В него клали обреченного на смерть человека и разводили под брюхом металлического чудовища огонь. Пасть быка была устроена так, что стоны и крики погибающего человека вылетали из нее в виде мелодичных звуков. Одним из первых был так казнен сам скульптор – создатель бронзового изваяния. Эта легенда описывает процесс художественного творчества, описывает модель создания поэтической речи.

Древние индийцы полагали, что искусство родилось тогда, когда человек не смог сдержать переполнивших его чувств. В легенде о создателе "Рамаяны" говорится о том, как мудрец Вальмики шел лесной тропой. В траве он увидел двух нежно перекликавшихся куликов. Внезапно появился охотник и стрелой пронзил одну из птичек. Охваченный гневом, скорбью и состраданием, Вальмики проклял охотника, и слова, вырвавшиеся из его переполненного чувствами сердца, сами собой сложились в стихотворную строфу с отныне каноническим размером "шлока". Позже именно таким стихом бог Брахма повелел Вальмики воспеть подвиги Рамы. Эта легенда объясняет происхождение поэзии из эмоционально насыщенной, взволнованной, богато интонированной речи.

Социальные неустроенности и напряженности, противоречия и конфликты, беды и радости, концентрируются в жизненном опыте поэта. В любую погоду и непогоду, при любых социальных обстоятельствах (даже при крайне неблагоприятных) в душе художника живет солнце. Оно освещает красоту и трагичность бытия человека. Главное в поэтическом творчестве то, что обеспечивает ему гармонию и красоту. Полнее всего этот творческий процесс, охватывает любимая Пушкиным категория – мера.

***

И я, от ужаса бледнея,
Смотрю, как вдаль, походкой чинной,
Уходит молча Галатея
С чужим и чуждым ей мужчиной.

Я создавал ее из пепла
Дал ей дыхание и полет
Она теперь от слез ослепла.
Он у меня ее крадет.

Окончились нелепой сказкой
Пигмалионовы труды.
Все гибнет. Нет иной развязки.
И нет исхода у беды.

Вечное беспокойство

Мне успокоиться едва ли.
Я если б жил в иных веках,
Меня б на дыбах поднимали
Или сжигали на кострах.

Но вечен бой, как вечна жизнь.
И снова сердцу нет покоя.
И снова в жизни рубежи
Даются смелым только с боя.

Пусть пламя принесет гроза.
Покоя сердце не захочет.
Как искры звезды бьют в глаза
И ноздри жаркий дым щекочет.

***

Нужно мужество солдата,
Чтоб всю жизнь гореть в огне.
Будто версты полосаты
Дни летят навстречу мне.

***

Не правда, что морозен воздух.
Нет! Он фиалками пропах.
И на деревьях зреют звезды,
Луна запуталась в ветвях.

Я буду звезды как черешни
Брать в рот и косточки бросать.
Мир будет вечным, будет прежним:
И по утрам всегда роса.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Лидия Григорьева

ДООС – стреказанка
Лондон, Великобритания

САМСОН И ДАЛИЛА

Она спустилась в спящую долину,
звезда блеснула, словно в речке язь...
Самсон, Самсон, спроси свою Далилу:
куда ты на ночь, сука, собралась?

Стоит туман удушливый в низине
и лунный воз гремит порожняком.
Спроси, Самсон, что у нее в корзине
прикрыто материнским рушником?

Куда идет Далила на ночь глядя?
Какую мать?! – ей повидать! – кричи...
Но спит Самсон, поразбросавши пряди,
доверчиво раскинувшись в ночи.

***

Если я забуду вскоре,
все равно припомню впредь...
У меня такое горе,
что приходится терпеть –
как по лезвию ножа,
обезумевши, бежа...

КОТ В САДУ

Кот в саду, шелестящий хвостом словно ива
– воплощение наива.
Кот в саду, разгребающий лапками ветер –
простодушен и светел.

Кот и сад – как сюжет примитивной картины
– хороши и едины.
Звезды в небе висят, словно зрелые вишни,
кот и сад – тут не лишни...

Кот и сад – эти краски замешаны густо,
превращаясь в искусство.
«Кот в саду» – как панно, что увенчано
высшей наградой.

За садовой оградой...

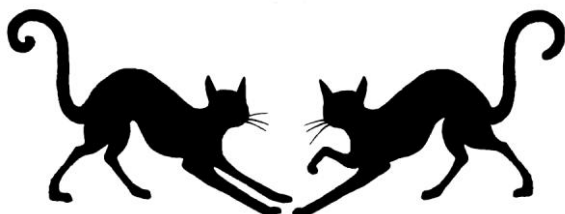

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Феликс Волосенков

Санкт-Петербург

Фрагмент из романа в стихах и рисунок

ЕРДЫН БАКРО

Глава 3.

Ерван
Колор
Амрам
Бекташ
Ураз
Хорог
Задир
Умун
Игда
Манер
Солон
Упар
Увар
Гилеш
Манер
Алам
Ичто
Игде
Вотре
Аман
Салом
Канон
Агде
Уркихо

Армавир

Арзамас
Арканзас
Албукир
Гондурас
Ещера
Стрептоцид
Уренгой
Воттерас

Шалам
Балам
Арват
Каддам
Сидди
Синдей
Натрех
Лундей
Еще еще
Ирасидва
Совсем
Опухла
Голова

Вот
И
Он
Цитра
Мон
Снег

Лежит
Кусками
Мы
Уехали
Домой
Нас
Едва
У
Знали

Лажа
Лежа
У
Прав
Дом
Стек
Ла
Мы
Ли
Раму
Пти
Цы
По
Небу
Летят
Зяблики
Е
Два
Ли

Ганна Шевченко

ДООС – пчела

КОМПРАЧИКОСЫ

когда я была маленькой
одно из моих тел
украли компрачикосы
и посадили в железный мешок

с тех пор
все мои попытки расти
пресекались стальной утяжкой
дни напролёт
я бьюсь головой о стену
а по ночам
слушаю как в соседних ямах
стонут тысячи
таких как я

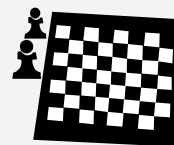
/в принципе
ко всему можно привыкнуть
и к низким потолкам
и к отсутствию света/

* * *

по минному полю рассыпались пешки
и множество разных фигур
друг друга толкают локтями
пытаются слово сказать

но ферзь непреклонен
по чёрным и белым квадратам
он ходит троянским конём
отчётливой буквой «Г»

он знает что зреют слова
он равнодушен и мил
он знает что каждый взорвётся
он равнодушен и мил

* * *

мы пробовали...
мы пробовали соль...
мы пробовали соль на губах...
мы пробовали соль на губах друг друга...
мы пробовали соль языками...
наши языки взметались...
наши языки взметались как пламя...
наши языки горели...
превращались в пепел...
/...нас не было.../

Жермен Дрогенброодт

Бельгия

ЭРОЗИЯ

Что же это еще –
видимые глазу
агрессия и эрозия –

если не агрессия
и эрозия
незримого?

Не только ночь
даже день пустится в бегство

когда ворон,
с его хрипотой пустынь,
затянет песнь пустоты

ЖИЗНЬ

подобна эфемерному цветку

снегу на ладони
что искрится на солнце
и тотчас тает

влага мерно капает

пропитывает землю
и снова становится
ею

МОЛЬБА

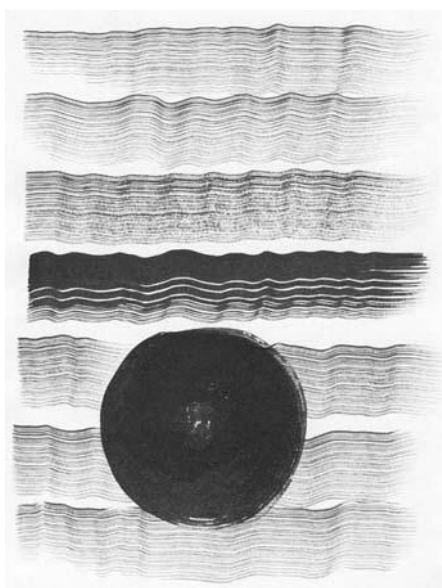
Не приходи как свет
что слишком ярок
и слепит глаза

не приходи
как тьма
неосязаемая

приди
как терновник
что предвещает
рождение
розы

*Озвучил мольбу
эрозии жизни
фламандского языка
на русском
Анатолий
Кудрявицкий*

Гравюры
Сатиш Гупта
Индия

Hadaa Sendoo

Ulaanbaatar, Mongolia

Send a message

When dusk falling
I'm child of steppe land
Dark came
I'm a star
immersed in happiness
I would let whole world see
I'm not alone!

Eyes

The still web, it's five fifty-five
At dawn, I open my eyes
How could I stop this raid?
On my heart turned into an ocean

Until nights are weary
Arms are like wrinkled sheet
Suddenly eyes cry out in sound
I don't know how to close my eyes

A snow scene

One morning
Snow falling
On the street, trees, face
I'll be 40 years old
Now I am anemic
Still to write poems
Until a latest day
Like Van Gogh
Take sunflower
To sow the seeds
Across
The whole world!

Эва Касански

Загадки королевы

дополнение
к иллюзорности

Первая загадка королевы существовала еще до ее рождения. Загадав ее, она создала космос.

– Входите, мой друг, и садитесь, – сказала она, – и садитесь.

Это была самая сложная для меня загадка.

Что означало слово «входите», если я был еще до ее рождения и сказал, когда она появилась у моего окна:

– Входите, мой друг, и садитесь.

И слова эти для меня ничего не означали, потому что я уже сидел на стуле и ждал ее.

Я вошел и сел, ибо не мог не повиноваться своей королеве.

– Послушай, я знаю тебя давно. Ты можешь найти все, что спрятано.

Кто был тогда со мной, не знаю, но мне казалось, что это происходит сейчас.

Видел ли ты этого человека, может быть, нет, он был тогда, а ты сейчас...

Слушай мой рассказ.

Когда я родилась и открыла глаза и увидела замок и поняла, что я родилась королевой, я обрадовалась. Теперь я могу всех дурачить и запутывать, и никто не сможет мне запретить этого.

Это царство просто и однообразно, и если я не придумаю его, я буду такой же, как мое царство.

Мне нравилось быть королевой, и я могла приказывать моим подданным, какими им быть глупыми или умными.

Я увидела замок и пошла к нему, ты же знаешь, королевы умеют ходить, а иногда летать, в отличие от подданных – эти только ползают.

Окно было распахнуто, и в нем я увидела его. Это было очень давно.

Он сказал мне:

Иллюзия прекрасна.

– Входите, мой друг, и садитесь.

Это были очень странные слова. Потом я узнала их, когда еще не родилась, когда

луч луны не касался меня, но тогда я подумала, что буду блуждать среди слов.

Тот, кто сказал мне эти слова, которые сказала я ему, чтобы он родился, был загадочен.

Сначала я увидела его как свое отражение.

Я подумала, что он говорит тоже, что и я, значит это я говорю, и мой голос воплощается в какое-то тело, которое и произносит слова, и из его слов рождаюсь я, но уже как его образ, потому что

он видит и помнит только слова.

Так, кто это был, кто?

– Кто, – удивился я.

– Тот, кто знал слова, которые знала я еще до рождения, и сказала их до того, как он их произнес, но не поняла их, потому что, – она чертила пальцем на стене и смотрела на свои рисунки, – потому что, когда он сказал, я подумала, что они больше не прозвучат, и произнесла их первая, чтобы они стали последними его и единственными моими в этот миг.

– Это какая-то бессмыслица, – ответил я королеве.

– Бессмыслица – это то, что повторяется всеми, а это никто никогда не произносил.

Поскольку загадка была очень длинная, я уснул прежде чем она ее произнесла.

– Ты отгадал мою загадку? – спросила королева, когда я бродил под черными тучами, низкими, словно для того и опустившимися на землю, чтобы скрыть меня от глаз королевы, наблюдавшими за мною со вчерашнего дня.

– Нет, моя королева, мне эти черные небеса не позволили увидеть ни солнца, ни истину.

– Ах, – воскликнула она гневно, – смотришь в себя, небеса же всегда туманны, но у тебя есть мысли, способные разогнать и тучи.

Отвечай, кто был этот человек.

– Это не размышление, а пытка, моя царица.

– Я согласна, но постарайся, прошу тебя. Не могу же я отгадывать сама свои выдумки.

– Человек, к которому вы вошли в момент рождения, были вы сами.

– Конечно, к кому же я могла войти, как не к самой себе.

Но есть одно странное несовпадение среди слов: я – не человек, я – королева.

Прошло много лет между прошлым и будущим. Все это время мир падал в белоснежную пропасть снегов. Это были годы уснувшей природы и постоянства, которое придумала королева.

Ее уста были скованы льдом, а волосы обрели неподвижность, рожденную из пространства.

Солнце было покрыто тонкой коркой льда, через которую пробивались уставшие и изнуренные лучи. Вырвавшись из плена, они рассыпались тысячами брызг и ложились на снежную равнину и застывали.

Дмитрий Григорьев

Санкт-Петербург

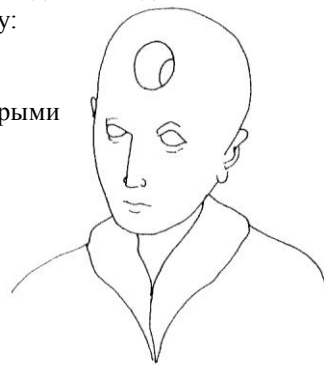
Вычитание производится простым жестом – поворотом головы налево-направо, словно кто-то проехал мимо,

сложение — соединением ладоней, легким кивком, поклоном, соединением тел, но за сложением обычно следуют вычитание, деление, умножение

Умножение производится медленным движением по расширяющемуся кругу:

танцуют,
крутятся парами,
и однажды становятся старыми
с кучей детей и внуков,

деление — проще всего:
разламывают хлеб,
рубят дрова,
разрывают фотографии,
рожают детей...

Я иногда видел, как королева собирала их и складывала в корзину, а потом я окутывался туманом сна и замечал только свои впечатления от снега и бредущей в полутьме королевы.

Среди белых снегов я слушал ее молитву, обращенную к неизвестным богам:

– Верни мне мою фантазию, чтобы я могла украшать этот однообразный мир.

Вторая загадка была глупее первой. Она проснулась и пришла ко мне поздно вечером, когда я уже спал, но еще не проснулся.

– Вставайте, вставай. Ты всегда спишь. Я отрекаюсь ото сна и приказываю тебе сделать то же самое.

Я не мог отказать королеве.

– Слушай мою вторую загадку и доброе утро.

Но еще была ночь, похожая на утро тем, что мы только что встретились.

– Какой красивый рассвет, – продолжала королева, показывая на луну, – знаете кто это?

Я только посмотрел на нее, и она поняла мой ответ.

– Тогда слушай мою вторую загадку.

И ушла.

Загадка отсутствовала, и потому было сложно ее отгадать.

Я ходил и ходил, погружаясь в свои мысли и слова королевы. Она задала мне много вопросов, не понимая, что существует один ответ на все вопросы.

Третья загадка прозвучала днем. Она была длинна и непонятна и коротка.

– Посмотри в окно. Что ты видишь?

– Все, – ответил я.

– Не пытайся увидеть все, потому что ты не сможешь его назвать.

И ушла.

Я стал мерить ее слова шагами и днями, но не нашел ни конца ни начала и остановился на середине.

Мгла, что скрывала нас от других, что спускалась на землю из вне пространственного ада, спускалась на землю и затихала.

Королева пряталась в молчанье.

– Куда же мне положить свой сон? – спрашивала она. – Здесь нет ни стульев, ни перил. Уронить его?

И сон, действительно, падал и дребезжал.

– Знаешь ли ты мою последнюю загадку? – спросил ее голос или его тень или тень его тени.

Ветер, дивный ветер уносил ее образ в дивный сон и воспоминанья. Чрезмерное светлое утро умножало блики дня. Как много отсчитанных ею мгновений увела с собой королева в придуманный мир исчислений. Так много придуманного.

Все придумано: облака, снег, холод...

Все прид.....

Солнце. Палящие лучи. Безмерность пустоты среди однообразных мгновений и бредущая к себе королева.

– Где я?

Где пространство молчаливо, двигает песчинками под ее ногами, она, как среди быстрой реки плывет по течению времени королева среди всех нас, как среди пустоты.

Он испытывал к своим мыслям презренье. Как и к словам. «Входите» – это звучало надрывно, и потому он не услышал. Просто стоял у двери, и ветер колыбал его платье.

Он повторил стук и снова пропустил все звуки. – Я уже видел сон, эту дверь, в которую я пытаюсь войти, но в этом пустынном доме, за этой дверью всегда начинается сон.

Я у двери, от которой стелется дорога, ведущая в две стороны: в мир и из мира.

Есть нечто неподвижное – наши виденья, они остаются, когда мы умираем.

Он остановился возле этой фразы и увидел, как они слились: мир и фраза.

Дверь открылась, и он не узнал себя.

– Конечно, здесь кругом зеркала и тот, кто проходит мимо меня – мой двойник, мое отражение.

Он брал по каплям чужие мысли и стучал в дверь и думал, но всегда стучал в дверь.

Проходили дни, годы, но ничего не изменилось.

– Все одинаково, мои мысли, время. Почему все остановилось?

Он стоял.

– Могу я оглянуться?

Но все неподвижно.

– Меня как будто нарисовали и сотворили стоящим у двери. Вот обреченность создания.

Я знал, что человек всего лишь жалкая копия бога.

Рисунки Кристины Зейтунян-Белоус

НАЧАЛА

Игорю Холину, Генриху Сангиру

*
Зима тьма
Лето свет
Золотые веки реки
Чёрные годы горы
Весна луна
Осень звёзды

20.11.2008

*
Пашня чаша
Земля яд
Рожь дождь
Юг пьют
Западом
завтракают
Север Дева
Восток Христос

20.11.2008

*
Воздух сух днём
Звёзды горят в нём
Иерусалаим пламя
Иерусалим дым
Дух не родился ещё
Земля Чистилище
Вода Ад
В двух полушариях
Душа течёт

21.11.2008

*
Вифлеем над ним
Небо Иерусалим
Глаза и очи
Западный и восточный
Ветер и ветер
Еврей и грек
Воздух и воздуха
Звёзды и руки
Десница и рука
Птица и река
Палец и перст
Скалы и плеск
Кушанье и еда
Суша и Иордан
Берег и берег
Зверь и след
Облик и облако
Клык и коготь
Иосиф и Мария
Хвост и крылья
Губы и уста
Иисуса и Христа

23.11.2008

Портфеля

Анна Альчук

(1955 – 2008)

ДООС – стрек-Изида

боль – шинству пишущих

легко вам
лёгкое выВЕРнуть
выблевать буквами
мозг!
гвоздь –
в руку СЛОВА
ЧЕЛОВЕКОВ вовек
не хочу!

вина – не нива

колоситься

где «Соль земли»
там слизь и стиль
ВЫСОКО-и-ПАРно-копытный
с отбойным молотом
косою
с-серпом
вбредущая в БРЕДУ

ОТлетЕЛА душа
отдышалась
отрешилась от шлака и –
вширь
просияла на синем
отсель
несиницей в руках саркофага –
прошивающим Землю дождем
журавлем
обживается вечность

Патомник. Рисунок Кристины Зейтуниан-Белюс

Пригов
Дмитрий Александрович
(1940-2007)

Давай, давай глядеть на небо
Взглядом прищуренным и узким
И выпестуем себе небыль
Там
И выпустим ее на русский
Российский
Простор, чтоб жить и претворяться
Когда же станет притворяться
Что претворилась уже
То уберем
И выпестуем себе новую

Скользит таинственный обходчик
Вблизи сохранности путей
Он быстр, стремителен, находчив
Он полон неземных затей

Вот он оглядывается в оба
Как рысь свисающая с ветвей
И быстро зарывает бомбу –
Это одна вот из затей
Его

Лия Либерова

Фрагмент из романа «Пепельный ангел»

Так проходит земная осень,
Так проходит былая слава –
Уже ночь. Поздно. Приходит Нюкта.
Расстилает ночную волглую простынь.
Темно. Поют те, кто остались...
Посреди моренго-Моря ппепельный остров.
А по домикам бродят охотники с дулами длинными,
В чьи-то тельца тычут, в чьи-то спины,
Неся головы птичьи дынные
Неся головы птичьи дымные
Так проходит земная осень
Так проходит земная слава
Павой плывут паромы, отправляя мертвых,
Павой плывут за ними, скукожившись, листья
Шлейфом обертывая, оправляя шлейф гулкий –
Крик птичий...
...А по долинам – охотники с головами птичьими
дынными
С головами птичьими дымными...
Ночь. Поздно. Все уходят. Все улетают.
Или так засыпают, на ходу, как стоят, застывши.
Приходит Нюкта и расстилает небо – (слышны только
Шальные листья).

Илья Кутик

профессор Северо-Западного университета
Чикаго, США

Фрагмент

Inner Drive: Schiller & Goethe

Вместо, представьте, бурных объятий двух бурь
и натисков – индустриальный американский мозг удумал две тусклые параллельки
улиц, с тем самым углом, где стоит себе – дом героини. Шиллер бы сделал: бу-у! –
его обитателям, как приведение в простыне... А Гёте бы – тот бы весь пух в постельке

каждой их – взорвал по-бонапартовски! – чтоб разнёсся слух—пух над Чикаго
не о Вертере застрелившемся, а о ветре – разворошившем покой в покоях
каждого частного случая безопасности – мечты этой женской, в особенности...

Неспособность шага –
никакого! риска – никакого! – а какие ж тогда – Гёте с Шиллером, а? – все бури держатся и
дрожат на коих!

Но – договоримся сразу, читатель: у меня – героини не будет! Вместо неё – место
для чего хотите: воображения, пустоты, других героинь...

Но – повторяю – героини нет! – украдена... Кеми? – их-то опишу: они здесь – орудут! Она
же – жена мне. Если бы – ну невеста
хотя бы – то, наверное, описал бы... А так – зачем? Нет – и всё. Горе. Проклятье она. Сгинь!..

Так в проломы пушечных ядер – устремляется конница и пехота,
но сначала от них, от ядер – дымные облака,
похожие на ничто, на смерть, наверное, или на что-то,
что ждет вас – за рваной звездой в железе, не переступишь – обдирая бока – ту и себя пока...

Это большая ворсистая простынь с прорезями –
В них она продевает руки – там высокий порог –
Где-то чуть сипло пальцы ее дотрагиваются
До звезд – догорают, потом падают вниз –
Это слышно... Падают листья...
Лед.
Все уходят, кроме одного, который целится в очень
Дальнюю птицу...
Она поет, потом крик – кружится и медленно падает
...Муки – все кончено...
...Летит тело...
...Летит пепел...
Взлетает и падает-сальто-мортале...
...Искрится...
Поют те, кто остались...
Осень. В это время я-Ибис-Тот закрываю очи птичьи
Не спится...

Анна Рахман

Гамбург, Германия

* * *

АМНИО
ШОСН
ОМНБ
НМАЯВ
Д, БУТЕРБРОД С ИКРОЙ, ЯЯН
ННЮЕН
И – УЮТН
АКМААН
ШКШТНЕ
ТКТИА
КМХАН
А ТОИО
ТОАМ
АННА – ШОКО-ДЫР!

16.11.2003, Viena

Вячеслав Куприянов

МАЯКОВСКИЙ

Слон в посудной лавке поэзии
Восставший против башни из слоновой кости
Сам ставший вавилонской башней футуризма
Переходящей в водонапорную башню социализма
Которая согласно наклону времени
Все более смахивала на Пизанскую

Телебашня так и не дождалась его

ПАСТЕРНАК

Поэт курит с Байроном марихуану,
Хлопнув с Эдгаром По по стакану.
После с Есениным лезет в драку,
Как и положено Пастернаку.

Пишет роман, переводит сонеты,
С неба глядит на страницу газеты
Свет электрический гасит в ночи,
Так как не может жить без свечи.

По уши в Марбурге, в форточку машет,
С Геной Айги по-французски чувашит.
В веке своем стал важной главой.
А ведь уродился обычной травой.

Пауль Целан

(1920 – 1970)

ПСАЛОМ

Никому нас не вылепить снова из глины,
никому не воскресить наш прах.
Никому.

Хвала тебе, Никому.
Во благо твое
расцветем.
Тебе
вопреки.

Ничем
были мы, есть и будем,
в расцвете:
ничем –
Никому-розой.

С пестиком,
светлым душой,
с тычинками небеснопустынными
с цветком покрасневшим
от пурпура нами пропетых слов
о шипах, о
о шипах.

Иззет Меликова

Баку, Азербайджан

*Je te salue, heureuse et profitable Mort
Des extremes doubeurs medecine et confort...**

Прошу, закройте мне глаза, чтоб я ослепла,
Склоните голову, пред этой тишиной
Я боль свою, как горстку тлеющего пепла,
Хочу одна развеять в комнате пустой
Ведь эта боль принадлежала мне...

Из глаз, сочится жидкий воск, и застывая,
Подобно огненной реке, и наяву
Я по течению плыву, изнемогая,
Цепляясь к берегу, содрав с нее главу,
Что некогда принадлежала мне...

Листок бумаги, что исписан мной небрежно,
Сорву, но мною не закончена глава
«И я с достоинством приму, что неизбежно...»
И хоть другим произнесенные слова,
Сейчас они принадлежали мне...

Среди седеющих равнин блуждает гордость
С поникшей головой, и черно-белый день
Переверну я, как страницу оды «Вольность»,
Что от свечи моей слегка коснулась тень
А гордость та, принадлежала мне...

И на душе так пусто. Горькая истома
Скользит по мне, как зыбкий серебристый свет
И разделяет шаг от бездны, два до дома
И этот дом, когда-то был теплом согрет
И то тепло принадлежало мне...

Иступленно скитаюсь по картине Гойя,
Ласкают нежно волны огненной реки
И если б не течение, то я бы стоя
Встречала смерть! Незваной гостье вопреки,
Сейчас бы аплодировала я!

Прошу, закройте мне глаза, чтоб я ослепла,
Склоните голову пред этой тишиной
Сейчас уже я горстка тлеющего пепла...

01.05.06

* О, смерть, я жду тебя, прекрасный, добрый друг!
Освобождающий от непосильных мук...
«Посланник к смерти» Ронсар. Шестистопный ямб

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Перевел с немецкого Вячеслав Куприянов

Кира Сапгир

Париж, Франция

ШАХМАТНАЯ ПЛИТА

Когда говорят о шахматах, мне вспоминается одна история...

Но прежде чем ее рассказать, хочу признаться: я обожаю шахматы столь же пламенной любовью, сколь и платонической. Многие пытались научить меня играть в эту игру – но получалось у меня всего два хода. Зато они, эти два хода, получались такие гениальные, что учителя, затаив дыхание, широко открывали глаза и говорили: «Надо же...»

А потом – все! Я оставалась безнадежно парализованной перед доской, на которой только что началась, – ЖИЗНЬ! И какая жизнь! Вот бьется в агонии, как у Пикассо в «Гернике» вороной конь, а король, дрожа, завернулся в мантию, от ужаса закрыв лицо руками... И тура обрушилась, а ведь как была крепка твердыня! А все отчего? Какая-то чернь, какая-то пешка, серость – и вдруг начала грозить этому великолепному войску, этому черно-белому четкому миру. И я вижу, как из-за плебейской этой пешки этот мир необратимо меняется – но он меняется вообще все время, меняется, по нему бродят тени, он полон символов, контекстов, подобно китайским иероглифам, живущим по тем же законам – также меняют свой универсум в зависимости от соседства – то поле, то дырка, рыба, небо, тряпка или колесо...

И то же самое – когда гадаешь на картах: так и плавают смыслы, черные, красные, и вот уже тень падает на короля червей – твоего короля... а вредный валет бубен уж несет неблагоприятную весть, которую вскоре раструбит чернь шестерок... Не думайте, что это уход в сторону от темы – это просто ход конем, имеющий к шахматам непосредственное отношение, и это вскоре станет ясно.

Итак, спускаясь однажды вниз по винтовой лестнице своего старого парижского дома, я на площадке обнаружила кота. Он был из чугуна, ажурного литья, с насмешливой мордой. Внутри

был патрон, наверно для подсвечника... Откуда он у нас на лестнице взялся? Гулял сам по себе, вот и пришел, решила я и положила кота в свою сумку.

Кот оказался довольно тяжелым, поэтому мне стало лень заносить его к себе, заселять у себя в квартире. И я решила отнести кота к соседке Аиде. Соседка жила напротив.

– Откуда ты взяла ЕГО?! Это же ОН! Я его ищу давным-давно, обошла весь город! – вскричала Аида. И вот что мне она сообщила: она давно собирается на Монпарнасское кладбище, на могилу великого шахматиста Алехина, почитаемого ею. Алехин был страшно одинок, у него никого не было на свете, кроме кота. И кот сидел всегда возле него, прямо на столе, во время всех чемпионатов.

Мы отправились вдвоем на Монпарнасское кладбище, я, она и кот из чугуна. Пришли на могилу, накрытую мраморной плитой в виде доски для шахмат – и расстроились. Плита оказалась разбитой – за год до того, когда над Францией пронесся ураган... Мы поставили чугунного кота на разбитый шахматный мрамор. Выпили по наперстку земляничного пиренейского ликера и ушли. Было это 1 ноября, в День всех Святых. Год спустя мы пришли навестить Алехина и кота. Доску к тому времени поправили – постаралась Мировая ассоциация шахматистов. Но кота не оказалось.

– Не расстраивайся, что он ушел. Раз ушел, значит придет, – решила я, и так оно и случилось. На Атлантике, на острове Ре, где пляшут феи в лугах, заросших цикуттой, а ветры разгоняют тучи, я встретила чугунную кошку. Немного помельче, из узорного чугуна и с тем же подсвечником-патроном. Она стояла в антикварной лавке и смотрела с очень загадочным видом. Нечего и говорить, что я

купила ее и отвезла в Париж, где мой кот даже подошел к ней поприветствовать и был разочарован отсутствием реакции с ее стороны.

Близился новый День всех святых. Я пригласила Аиду к себе.

– Но откуда она у тебя! – вскричала она.

– Я же говорила: как ушла, так и придет.

И мы опять оказались на кладбище, где похоронены всякие замечательные люди – например, есть могила великого французского морепроходца, который умер не во время кораблекрушения, а во время банальной аварии одного из первых поездов, который шел в Нант...

На сей раз мы оказались во всеоружии. Мы поставили кошку на шахматное надгробие, задрапировав ее какими-то кустиками, затем достали банку, где был цемент, и бутылку с водой.... В общем, мы закрепили намертво кошку на могиле Алехина и вновь выпили ликера, и потом пошли на Монпарнас в кино. И это был очень мягкий и нежный день – День всех Святых, когда мертвые, по слухам, бродят по кладбищенским аллеям, смешиваясь с посетителями...

И мне было жаль чугунную кошку с вольной Атлантики, которая больше не сможет сбежать. С тех пор я туда больше не хожу – по двум причинам: страшно, что кошка опять ушла – и что она там осталась.

На прощание напомним, что в Индии существует особая игра в шахматы – игра после мата. Ее правила утеряны либо хранятся в тайне. Но мне кажется, что при такой игре можно все: например, устраивать из шахматных фигур хоровод, баюкать, бросаться ими друг в друга.

И все это весьма напоминает постмодернизм.

Продолжение темы ПО № 8 «Ладья – Лад Я»

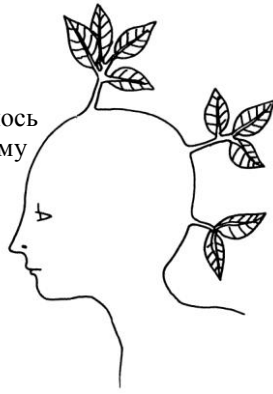

Композиция Татьяны
Бонн-Осмоловской

Татьяна Грауз

и зацветает белое озеро
время между древесных стволов сжалось
как жалость к другому

а если собрать всех рожденных
пух тополиный
поле
красным дышат растения
трава шевелится
памятные огни
кто-то в свете стоит
н е п о д в и ж н о

● трагические
Драматичные
комические
маски
папье-маше-папы-мамы-отца-матери
маски из кожи
и если
светом тихо любовью чуть отслоить
лодки по синему
лодки по белому
лодки морщины
как листопад в провинции
несуетливо вплетаются листья в траву
перешёптываются о настоящем
о том что всегда

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Валентин Никитин

На смерть папы Иоанна-Павла II

в урочный час он о Голгофе думал,
молитву на исход души творя,
чтобы луны мерцающий карбункул
погас легко над куполом Петра...
хоругви скорби наклонились долу,
взметнули свечи к небу пламена –
всю ночь о нем к Господнему Престолу
молились Церкви, страны, племена...
крещенные по милости Господней,
одна семья, мы – братья во Христе!
и с нами вместе людской доброй воли,
все те, кто уповает о Кресте.
в урочный час он о Голгофе думал,
молитву на исход души творя...
свершилось! пламенеющий карбункул
погас в окне преемника Петра.
с печальной улыбкой страстотерпца
он в даль ступил от Бронзовых ворот,
где свет его пылающего сердца
иной осиявает горизонт...
евреи, христиане, мусульмане
на том Синае Богу предстоят
и молятся едиными устами:
«Господь един, воистину, и свят!»
...молитва та изгладила морщины, –
следы от слез, скрижалей веший сон...
он в рай вошел, на дивные куртины,
листвою златовидной осенён.
...тот навсегда Понтификом пребудет,
кто воздвигал незримые мосты
от Рима – к миру, и от Церкви – к людям,
благословляющие, как персты...
смерть праведника Господу угодна;
последний, нас «удерживавший»*, – взят!..
плачь, Польша, плачь! – как у Креста Мадонна;
но не скорби! – твой сын великий свят!
свет смерти его праведной отныне
мрак нашей жизни будет освещать,
как жизнь его светила нам доньше,
приумножая Божью благодать.

в ночь на 3 апреля 2005 г

Семен Гурарий

Мюнхен, Германия

ДАЧАУ

дитя идиллии –
кладбищенская пряжа,
прими подснежники на завтрак
по недосмотру декабря
и величальным стилем вайнахтским
воспой температуру милой суеты...

дитя идиллии –
каштановый подросток,
прими в подарок изморози страх,
и про себя молитву говоря,
станцуй апрельскую туманную надежду
среди свистков, допросов, темноты...

дитя идиллии –
шестиконечная звезда,
прими побои за избавление
от чести тошнотворной, фимиама куря,
дыханием своим из газовых печей
рассвету придавать идиллии черты...

ПРОЩАНИЕ С ТЕАТРОМ

Ещё один побег?
Ещё один разлад? –
Под покровом покаянья сцена тихая не спит...
От безумного отчаянья бука-поводырь вопит...
Мелодия не в лад?
Прощание навек?

Каюк не театру, а траве:
сравнения актёрского скелет
не одолел больной ломака-день,
он переросток, недоросль, солдат,
– вперёд – назад! левой – правой! –
храня в морковный морг билет
и публики пропавшей тень,
спектакль зажал в немой шпагат...

Ольга Журавлева

ТОЛЬКО РА

Константину Кедрову

Я вырывала из памяти с корнем
Ветхозаветные памятки Торы,
Я не желала ни Тота ни Гора –
Ра, только радости, а не закона.
Были и не были умыслов стычки,
Вроде бы удали было в избытке,
Ра, только радости не было в свитке
При приближении вспыхнувшей спички.
Вот и осели в сердце надолго –
Прошлого веги, отчаянье долга,
Многое перед глазами вставало,
Ра, только радости не доставало.
Кто-то посмеет смеяться над этим,
Кто-то задумает взять да исправить,
Только, увы, не отнять, не добавить –
Ра!
Если Радость живёт на планете,
Примешь сквозь слёзы и перепады
Неуставного давления ада,
Ту,
Величайшую в мире награду –
Радости неистребимую правду.

Круговерть

...**ВСЕ**ленская
кру**ГО**верть...

зачем

?

...

увидишь обен

обен это небо в зеркале
облака плывут на

гю

одень
день

глаз
лаз

сверкнет моноклем солнце в речке

тогда увидишь как?

в иное

гл

аз

ом

пъ

ёт

н

е

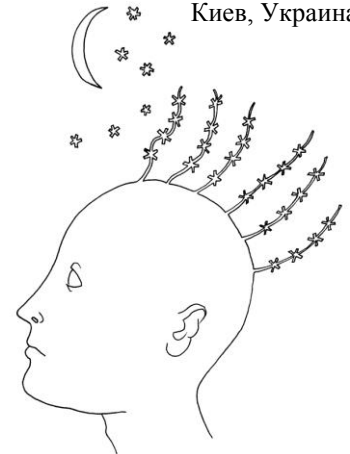
бо

г

7.06.06. Киев

Александр Моцар

Киев, Украина

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Михаил Вяткин

Забывтые временем. Рисунок Аллы Баклановой

Как Ни Вглядывался

Нельз**я** **Бы**ло Разобрать
Где Озеро? А где Небо?

Я Опуст**и**лся На Колени У Самой Кромки Воды
Наклон**и**вшись
Погрузил В Неё Свои Ладони
И Слож**и**л **И**х Лодочкой

З**ы**бко И З**я**бко

Лодочка Немно**ж**ко Покачалась
ЛИНВА**Л**А-ЛИНВА**Л**А
Поплы**л**а Вверх И Разб**и**лась О Лицо

Но **Я** Ничего Не Почув**у**ствовал

А Когда Распрям**и**лся И Встал На Ноги
У Меня **Бы**ло Уже Две Голо**в**ы
По **И**х Щекам Стекали
Каки**е**-то Станные Капли

Лодочка Теперь Уплывала Ввысь

Дале**к**о В Небо

ЛИНВА**Л**А-ЛИНВА**Л**А
Две Голо**в**ы

господи сделай так

чтобы я разучился считать

КУНСТ-КАМЕРА

Из истории поэзии

Леонид Столович

доктор философских наук
Тарту, Эстония

Мне посчастливилось знать Юрия Михайловича Лотмана, которого коллеги звали ЮрМих'ом, четыре десятилетия – с 1953 по год его кончины, 1993. Среди того, что сохранилось в памяти, имеется немало эпизодов,

которые высвечивают его и без того светлую личность. Впрочем, если бы он услышал о себе словосочетание «светлая личность», он бы не преминул пошутить. К себе он относился тоже шутливо. В его

талантливых рисунках преобладают автошаржи. Вот один из них. Ю.М. Лотман, на мой взгляд, вполне заслуживает своей славы как блестящий ученый – исследователь русской культуры и сторонник максимально научного подхода

к проблемам филологической науки. В 1982 г. в стихотворении, написанном к его 60-летию, я убежденно написал:

И счастлив ты, что в Тарту ты живешь,
Бог дал или не дал тебе таланта;
Когда вдруг встретишь Лотмана, поймешь
Того, кто видел в Кёнигсберге Канта.

Еще при жизни ученого его имя становилось легендарным. Оно не только стало предметом для академических ссылок, заменая, подчас, ссылки на «классиков марксизма-ленинизма», но проникло в романы, стихи и, конечно же, в публицистику и эссеистику. В конце 80-х годов в одном из зарубежных русских журналов я прочел стихи не известного мне тогда поэта Тимура Кибирова: *«Лотман, Лотман, Лосев, Лосев / де Соссюр и Леви-Стросс!» / Вы хлебнули б, мудочесы./ полной гибели всерьез!*

Я поделился с Юрием Михайловичем своим открытием, настояв на том, чтобы две его внучки были удалены из комнаты. Он посмеялся. Неприличные слова его не смущали. Эта легендарность, при всей ее значимости и справедливости, таит в себе одну опасность: человек-миф утрачивает живые человеческие черты. Этой метаморфозе я посвятил двустишие:

Всех филологов затмив,
Был ЮрМих, а стал ЮрМиф.

Большая часть зрителей отнеслась к этому памятнику И вот последний эпизод такой метаморфозы. В начале октября 2007 года в рамках торжеств в связи с 375-лением Тартуского университета был открыт памятник Лотману перед зданием Научной библиотеки, в которой в одном из залов помещен вполне реалистичский, если не сказать, натуралистический, бюст Лотмана. Но вот как выглядит новый памятник работы скульптора Mati

Александра Заболотская

Казань

Стихи, кирпичи и «Декамерон»

страницу красивую картинку. Существовали даже специальные альбомные стишки вроде: «Шура – ангел, Шура – цвет, Шура – розовый букет», – и тому подобное. Что поделаешь – мода!

Мы как раз перешли в пятый класс, в школу второй ступени, и там училась замечательная Лелька Гонина. Она взяла нас под свое покровительство, знакомила с обычаями и традициями школы, в общем, руководила нами. Вечно что-то организовывала, например, сбор подарков для подшефной деревенской школы. У меня она отобрала для этой цели всех кукол: «Ты уже выросла, пора бросать игрушки!» Мало того, она забрала еще с десяток детских книг, которых у меня, по ее мнению, было многовато. «Ты должна делиться. У тебя много, а в деревне детям читать нечего». Так вот Лелька написала мне в альбом следующие стихи:

Зачем альбомы ты заводишь?
Для памяти, бузы иль просто так?
Чего хорошего ты в них находишь?

В мои школьные годы, начало 30-х, у девочек пошла мода заводить альбомы для стихов. В эти альбомы подружки должны были написать какие-нибудь стишки и приклеить на ту же

Найдет в них прелесть лишь дурак.

В альбомы пишут глупо, дико.

Мол, Шура ангел, Шура цвет.

Ты повнимательней взгляни-ка –

Для пионеров это? Нет!

Дальше я не помню, но последняя строчка такая: «Пионер! Альбомную муру бросай!» Я, конечно, бросила.

Лелька же организовала пионеров на участие в строительстве новой бани. Меня, взяла в напарники – таскать кирпичи на носилках, кажется, уже на третий этаж. Вот тут я спасовала! Дальше второго этажа донести эти кирпичи не смогла.

Учителем физкультуры была у нас молодая красивая женщина по имени Людмила. Она совершенно не занималась девочками и просто отпускала нас со своих уроков. А мальчиков собирала вокруг себя в каком-нибудь уголке и если учила их чему-то, то уж никак не физкультуре. Шли какие-то таинственные беседы. Об их содержании мы ничего не знали – рассказывать нам об этом мальчишки категорически отказывались. Кончилось это тем, что сестра одного из конфиденентов обнаружила у брата книгу «Декамерон» с картинками. Она была уверена, что это очень интересное произведение, но ничего не успела рассмотреть, так как брат отнял книжку. Сговорившись, девчонки явились к Людмиле

Karmin'a, включенный в систему фонтанов перед библиотекой, настороженно. Многие даже иронически. Вспомнилась старая шутка: «Всё течет. И всё из меня...». В эстонской среде, в которой имя самого Лотмана почитаемо, памятник стали называть «Тогу-Юги», как именуют сантехника (по-эстонски togu – труба). Можно, конечно, относиться к этому концептуалистскому переплетению труб и по-другому. Кто-то угадывает здесь штрихи лотмановских автошаржей, особенно силуэта носа, и выражение неординарности главы Тартуской школы семиотики. Стоящий у Научной библиотеки «семиотический знак Лотмана» будет обрастать многообразными значениями. Он уже стал городской достопримечательностью. Ну, а сам Лотман? Он пережил огни, воды и медные трубы. Переживет и трубы фонтанные

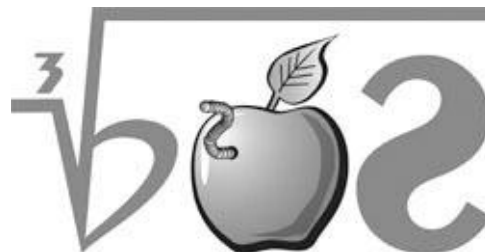

с требованием дать и им почитать «Декамерон». Та отказалась. Поднялся шум, и явился директор школы. Выяснив, в чем дело, он уволил Людмилу.

Русский язык в пятом классе уже не преподавался. Дальше шла литература. Но что это была за литература! Проходили, например, произведение некоего писателя Платошкина, производственный роман «Неделя». Наша учительница Александра Васильевна Скворцова, из «бывших», высокая, стройная, уже немолодая женщина, носила длинную юбку с белой блузкой, поверх которой в холодную погоду надевался длинный вязаный жакет. На голове у нее всегда была вязаная шапочка, а из-под шапочки выглядывали рыжеватые кудерьки, обрамлявшие милое интеллигентное лицо. Мне запомнились ее красивые руки. Они так бережно и даже ласково держали книгу, словно это была хрупкая драгоценность. А книжонка Платошкина такого отношения явно не заслуживала. «Вот схвачу тебя за жопу!» – закричал мастер», – читала нам Александра Васильевна и объясняла смущенно: «Этот прием, дети, называется вульгаризация». Слава богу, вскоре этого Платошкина исключили школьной программы и включили русскую и западную классику.

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

В поисках Бога-внука

1. Бог мыслил Бытием, но чувствовал людьми – конец всему!
2. Бог творил в Ничто. В Бытие Бог сам Ничто и одновременно Всё, и потому не творит.
3. Бог был занят самим собой.
4. Некоторым показалось, что Бог на память завязал узелок жизни и умер, а древо жизни растет на его могиле.
5. И всё-таки Бог умер... Народ не заметил потери Творца!
6. Иные думают, что Бог снял с себя маску бессмертия и затерялся в людской толпе. Теперь иногда позволяет себе появляться гением не обученным.
7. Если Бога давно нет, то этого отсутствия больше всего и надо бояться, ведь Божья кара осталась.
8. (смотри рисунок) Корень кубический извлечь из:
а/ половинки человеческого сердца, которое соединившись с высшим, формирует в слове начальную букву "Б";
б/ яблока, подвешенного на рее виселицы, потомка того самого запретного плода познания, что вкусили в раю Адам и Ева, столкнув с мёртвой точки вечности колесо истории, набив колею человеческого бытия;
в/ глаголь, что как змей искуситель свивается в знак бесконечности, распадаясь посередине, стремясь замереть в славянской вязи прописной буквы "г", с которой начинается божественный глагол, зажигающий сердца людей.
9. Бог спасёт всё – учат древние мудрецы. А мне кажется – только МЫ ВСЕ можем спасти Бога. Будущее Бога-духа – БОГ-ОТЕЦ, БОГ-СЫН, БОГ-ВНУК!
10. И сказал Бог-внук: "Бог стал научным термином, а вера в Господа нашим научным поиском!"

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ РЫБЫ

Рисунок Игоря Ревякина специально для ПО.

Евгений В. Харитоновъ

ВЕЧЕР НА ДАЧЕ

Ионыч. Котик. «Вечерело».

Курю на ступеньках –
Рюку ан пеньстуках.

Муха над ухом жу жу-
жалеет.
Солнце краснеет.
Муренавое небо!
Глазкою в темнеющий обен,
Дымом задувая, охлаждая
Запотевшие днём лёгкие.

Совсем уже всем вечерово
Вечерно черно черно.
Сонно.

Свет неживой, электрический
Над крыльцом жёлточно
магическим желтком
вспых! – выплеснул, выплясал.

Муха выжала последнее жжу,
В сон свой мушиный вжалась.

Сигареты кончились.
Спать.

26.05.2007, Железнодорожный.

Уровень политкорректности в России растет. Пусть медленно, но растет. Растет на глазах. Он уже почти сопоставим с уровнем политкорректности в западных странах. Все больше становится прав у разных маргинальных групп; у женщин, заключенных, домашних животных, уссурийских тигров и гомосексуалистов. Не меняется ситуация только с рыбой. У рыбы в России прав нет.

Рыба должна позаботиться о себе сама. Она не должна ждать милостей от тех, кто имеет непосредственное отношение к рыбе – от ихтиологов, поваров, рыбаков и даже от русских писателей. За все время существования в России рыбы они ничего хорошего для нее не сделали, и рассчитывать на них рыба больше не может.

Когда рыба обращалась за помощью к русским писателям, то они отворачивались от рыбы. Или рассказывали ей сказки. Как Пушкин в "Сказке о рыбаке и золотой рыбке" и Салтыков-Щедрин в "Премудром пескаре". Или читали ей басни. Как Крылов в "Лебеде, раке и щуке". Или читали ей моралистичную советскую прозу. Как Астафьев в "Царь-рыбе". Или рассказывали ей про нее же смешные истории. Как Чехов в "Налимe". Более того, русские писатели отказывали рыбе в свободе. Для русских писателей символом свободы была птица. Рыбе как символу свободы они не доверяли. Как символу счастья они ей почему-то не доверяли тоже. Особенно Островский и Горький. Неслучайно Катерина в "Грозе", мечтая о свободе, хочет быть птицей в небе и лететь куда угодно, а не рыбой в воде, чтобы также не менее свободно куда угодно плыть. У Горького "человек создан для счастья, как птица для полета". А разве человек не создан для счастья, как рыба для воды?

Мелвилл в "Моби Дике" и Хемингуэй в "Старике и море" относились к рыбе лучше русских писателей, введя рыбу в формат "большой" прозы, но и там для рыбы все закончилось плохо.

В общем, если рыба не подумает о себе сама, то ей уже не поможет никто. Ни Хемингуэй, ни Чехов. Поэтому рыба должна сама о себе написать книгу. Другого пути у рыбы нет. В этой книге будет вся правда о том, как плохо обращались с рыбой. А обращались с ней очень плохо. С рыбой в России не церемонились и до Советской власти, а при Светской власти перестали церемониться уже совсем. Ее обзывали морепродуктом, хеком, нототенией и толстолобиком. От нее постоянно требовали икру и не давали доплыть до нереста. Ее терзали удочкой. Ее подсекали спиннингом. В нее втыкали гарпун. Ее били острой. Ее взрывали динамитом. Ее ловили сетями с мелкими продольными ячейками. На нее был нацелен весь рыболовецкий флот. Ее давили траулерами. Ее сбрасывали тоннами на борт сейнеров. Ее резали на куски винты подводных лодок. Ей не давали вздохнуть моторные лодки браконьеров. Все ее реки и все ее моря заполняли военными и промышленными отходами. Нефтяные танкеры специально покрывали всю воду над ней и вокруг нее нефтью и мазутом, чтобы она не могла дышать под водой и чтобы погибла ее любимая еда – водоросли и планктон. Ее солили так, что в ней оставалась одна только соль. Ее сосали под пиво. Ее

закатывали в консервы. Ее заливали маслом, томатным соусом и маринадом. Когда ее уже нечем было залить, ее заливали ее же собственным соком, и тогда она называлась "рыба в собственном соку". Полумертвую, ее выдавали за живую, и тогда она называлась "живая рыба". Ее прятали и старались не показывать. Ее показывали только раз в неделю, когда Советская власть объявляла рыбный день, и рыбу уже было невозможно не показать. Кремль не давал ей дышать. КГБ не давал высунуть голову из воды. МВД привязывало ей голову к хвосту и не давало собираться в рыбные косяки. Министерство обороны не давало ей плыть в Гольфстрим и другие теплые западные течения. Министерство рыбной промышленности постоянно увеличивало план ее добычи и не давало ей размножаться. Министерство здравоохранения выдавливало из нее вонючую жидкость под названием "рыбий жир", которую заставляло принимать детей как микстуру для общего укрепления организма два раза в день по столовой ложке. Министерство образования убирало все сведения о ней из институтских и школьных программ. Советские масс-медиа обвиняли ее во всех грехах. Рыба так натерпелась при Советской власти, как ни люди, ни звери, и ни флора. Еще рыба была очень одинока. Ее никто не понимал. Диссиденты не считали ее своей, принимая ее природное молчание за конформизм. Коммунисты ее боялись, так как рыба жила под водой, и коммунисты не знали, что она там делает. Русские писатели не верили в нее как в символ свободы и счастья. Дети ее ненавидели из-за рыбьего жира. Женщины ее терпеть не могли, потому что ее надо было очищать от рыбной чешуи, и потом руки, сколько их не отмывай, долго пахли рыбой. Мужчины ее тоже не любили, потому что она была умная, а они, мужчины, – идиоты.

Рыбе не давали жить не только в воде. Ей мешали жить и на суше. Про рыбу совсем не хотели петь. Русские люди как будто бы стеснялись рыбы. Советские люди ее стеснялись еще больше. Это видно по песням. Вернее, слышно. Я прослушал все русские народные песни про Волгу и вообще про реки. Прослушал и все советские песни и про ту же Волгу, и про остальные реки и моря, которые упоминались в советских песнях. Все бардовские песни. Весь русский рок. Все те песни, где обязательно должна встретиться рыба. В этих песнях есть про все. Про возрастные изменения живущих на Волге людей, которым вроде бы еще вчера было совсем не так много лет, а сегодня уже значительно больше. Про буддийскую ауру Волги. Про расположенные на Волге города. Про Стеньку Разина. Про персидскую княжну. Про утес. Про стрежень. Про кочегара. Про двойное самоубийство бывших влюбленных на челноке в открытом море. Про юнгу в семнадцать лет. Про гитару в кубрике. Про немногословных мужчин на острове Сахалин. Про рыбака, который тоскует в море о своей девушке, которая осталась на берегу. Про девушку на берегу, которая тоскует о своем рыбаке, который в данный момент находится в море. Про то, как провожают пароходы. Но про рыбу нет ни одной песни и ни одного упоминания про рыбу в песнях тоже нет.

Правда, иногда в песнях мелькали киты и дельфины. Но тут же исчезали. До птиц им было очень далеко. Пингины, лебеди, соловьи,

малиновки, орлы и даже орлята активно летали из одной песни в другую. А вокруг рыбы существовал настоящий советский песенный заговор молчания.

Раз рыбы нет в песне – значит ее нет нигде. Значит, она вообще никак не представлена на пространстве культуры. Поэтому рыбы нет ни в литературе, ни в кино, ни в театре, ни в сериале, ни в мюзикле. Рыбы нет нигде. Русская культура молчит о рыбе, как молчит сама рыба.

Если про рыбу в России и в Советской Союзе так и не сложили ни одной песни, то рыбе действительно остается только одно: писать самой о себе песню. А лучше все-таки книгу. В книге рыба можно сказать больше, чем в песне. Тем более я собираюсь рыбе помочь. А песен я писать не умею. Мне будет проще помочь рыбе написать книгу, чем песню.

Рыбу даже не научились правильно есть. Говорят, что есть рыбный нож и рыбная вилка. Я не знаю. Я их сам ни разу не видел. Тем более я ни разу не видел, чтобы ими ели рыбу. На моей памяти рыбу всегда ели с помощью того же ножа и той же вилки, что говядину или свинину. А рыбный нож и рыбная вилка существуют только в легендах и утопиях. Материально их пока нет.

Из-за такого подчеркнуто презрительного отношения к рыбе новая Россия много теряет в глазах Запада. И в глазах наших новых европейских соседей. Президент Латвии, колоритная такая женщина, недавно вспоминала, как при Советской власти жившие в Латвии русские люди пили пиво и закусывали воблой. Как они перед тем, как закусить воблой, долго били воблу о край стола, чтобы у воблы отлетела голова. Как во все стороны летели рыбные кости, чешуя и мат. Как все это плохо пахло. Как это все было мерзко. Как дико. Как из-за такого скверного обращения русских людей с рыбой Президент Латвии навсегда стала антисоветчиком и русофобом. Я не русофоб. Я – наоборот. Я почти русский патриот. Даже не почти. Просто русский патриот. Как Дугин. Как Миша Леонтьев или как Никита Михалков. Или как какой-нибудь еще русский патриот. В чем-то, как мне кажется, мой патриотический накал даже еще больше патриотически накален, чем у других русских патриотов. Но по отношению к тому, как русские люди едят рыбу, я разделяю все русофобские настроения Президента Латвии.

Рыба неслучайно от нас отвернулась. Рыба не хочет к нам плыть. Рыба уходит от нас все дальше и дальше. Уходит к норвежцам. К японцам. К китайцам. Чтобы рыба стала к нам возвращаться, новой России надо улучшать с рыбой отношения и сделать хотя бы несколько шагов по направлению к рыбе.

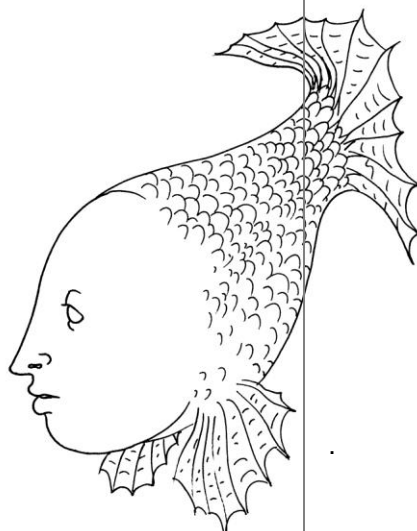
Но пока этих шагов нет. Рыба по-прежнему находится в ее советском статусе.

Я недавно был в рыбном отделе крупного московского супермаркета. Я уже давно не приближался к рыбному отделу. Я обходил его стороной. Я чувствовал там что-то недоброе. Явную и тайную угрозу. Я не ошибся. Там действительно все было очень тяжело. Там оказалось настоящее раздолье для коммунистов. Там живет Советская власть времен застоя. Там живет Брежнев. Там улыбается Андропов. Там неплохо себя чувствует Черненко. Ну, в общем не совсем Брежнев, Андропов и Черненко. Но все то, что было при Брежневе, Андропове и Черненко. По крайней мере, все то, что касается рыбы. Там все

стандартные советские рыбные консервы. Там шпроты в масле. Там горбуша в собственном соку. Там килька в томатном соусе. Там все эти сардины, сардинеллы, минтай и прочие мойвы, которые, казалось бы, давно должны быть в музее развитого социализма в статусе раритетов. Но они не раритеты и не в музее. Они в рыбном отделе. Им там совсем неплохо. Они прекрасно лежат рядом с форелью, осетриной, севрюгой, красной икрой и крабами – со всем тем, что при Советской власти было только в распределителях или в заказах. Они прекрасно выросли в рынок и выдерживают конкуренцию с любой стерлядью. В общем, гибрид советского гастронома и кремлевского закрытого магазина. В начале восьмидесятых годов можно было, наверное, упасть в обморок от того, что в рыбном отделе спокойно лежат осетрина и красная икра. Теперь можно упасть в обморок от все еще сохранившихся консервов "Горбуша в собственном соку". Когда я смотрел на горбушу в собственном соку, мне показалось, что я вижу живого Брежнева. Щука в русской народной сказке четко исполнила три желания поймавшего ее рыбака. В сказке щука не обманула. Щука сделала все, что могла, и даже больше. Теперь настало время вернуть щуке долг. Пора выполнять три желания уже самой щуки. Но только не щуки. Щуку не надо. Щука – это слишком. Щука – сложная рыба, и у нее могут быть три таких же сложных, как и она сама, неадекватных и абсолютно невыполнимых желания. Пусть это будут три желания самой обычной среднестатистической современной русской рыбы.

Я думаю, три ее желания будут примерно такие:

1. Чтобы, когда ею пользовались как закуской под пиво, ее не били головой о край стола до тех пор, пока не отлетит голова, а отрывали ей голову сразу. Так будет лучше для самой рыбы. Так будет меньше русофобских настроений вокруг. Рыбе надоело, что ей делают больно, и что она помимо своей воли становится причиной русофобских настроений
  2. Чтобы из рыбных отделов навсегда убрали консервы "Горбуша в собственном соку".
  3. Чтобы она была достойно репрезентирована в современной русской культуре. Чтобы о ней наконец написали полноценный песенный хит. Как "Потому что нельзя быть красивой такой". Чтобы о ней сняли блокбастер. Как "Ночной дозор". Чтобы о ней сняли популярный сериал. Как "Бригада". Чтобы о ней поставили мюзикл. Как "Метро". И чтобы еще о ней обязательно написали книгу. Вот таких три скромных, адекватных и вполне выполнимых желания. Скромней не бывает. Не выполнить нельзя.
- Впрочем, о книге рыбе просить не надо. Книгу рыба напишет о себе сама. А я ей помогу. И никогда больше не пойду в рыбный отдел. Пусть туда ходят коммунисты и все те, кто хочет увидеть живого Брежнева.

Алина Витухновская

друг ДООСа

Мыслитель Бездействия

Мыслитель Бездействия раскрасил свой ум
И истиной пестрой скатился с порога.
Ступень облизав, растворяется шум
И жизнь обезвременишь жуткая проба

Вы, зрители трагедий

Вы, зрители трагедий,
Больших как карто-мир,
Держатели медведей,
Глядящие в их дыр.

В их дыр глазных нетленно
Грядущее Буще.
Оно проникновенно,
Оно внутри вещей.

А нас с тобой не будет
Мне чудится вот-вот.
Придут другие люди,
И Родина умрет.

Большие пароходы
И злые поезда.
В них дикие народы,
Они спешат сюда.

.....
Куда бредешь угрюмый
В плаще, который крад?
Большие рыбы в трюме
Чего-то не хотят.

Но их съедят матросы,
Меняя страх на труд,
Закурят папиросы
И в море уплывут.

***

Лишь идеальные кислоты
Подобны вечному наркозу.
Мне мавзолейные стрекозы
Щекочут крыльями мимозы
Кусок расстрелянной аорты.

А жизнь выходит как заноза.
Я стала хохотом бесплотным.
Уже ль исполнились угрозы,
И полон город смрадом потным?
То Смерть пришла, ей так угодно.
В Москве кровавые болота.
И крематорий папиросный

Впервые за пустые годы

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Татьяна Зоммер

1. Лесной человек, ты двусторчат:
свиное и светлое в тебе
открывается одновременно –
Ты смеешься и плачешь,
лечишь и рубишь деревья.
2. Инфернальное деловое
присутствие твоих друзей
говорит об изнаночке
взаимоотношений с миром.
Лучшее так не подкрадывается
под Луну по ночам к подушке.
3. Голодный случайный полет души,
вынужденная остановка
в какой-то черной дыре Вселенной,
и голодное племя
рогатых аборигенов
уже обступает тебя
у костра приготовления
вечного ужаса смерти.
4. Ты смеешься и плачешь,
лечишь и рубишь деревья.

Рисунок Кристины Зейтунян-Белуос

Анжелина Полонская

Лодка

Словно провод, голос зажёшь в ладони –
мне приснилось сегодня, что твой поцелуй
бездомен,
как солдат в животе зажимает бреши,
ибо твой поцелуй в волосах моих
безутешен.

Я проснулась на взломанном телеграфе:
буквы стёрлись, ленты истлели, бланки.
Никого не осталось под костью лобной.
Никому по воде не досталось лодки.

Эта лодка так билась, что перетёрла привязь.
Кто ещё там в тумане? – кричали с пирса.
Стой, кричали, стреляем, но мне приснилось,
поцелуй твой лежал, будто хлеб – не тронут.

Экспромт

Ты меня принимаешь за женщину,
но я всего лишь куст – дикий куст,
растущий вблизи дороги.
Обманчивы твои снега, дорогая, –
не стряхнуть их с ветвей, не согреться.
Ночь шепчет раковине ушной о тебе.
О тебе.
Вызревших ягод полны ладони
тех, кто этой дорогой проходит мимо –
те ладони куста не вспомнят.
«Нет на свете крепости, что не сдастся», –
если мне не веришь – спроси солдата
у стены. У стены.

Δημήτρης Π. Κρανιώτης (Dimitris P. Kraniotis)

Larissa, Greece

Νοητή γραμμή

Καπνοί
από τσιγάρα
και κούπες
γεμάτες καφέ,
δίπλα
στη νοητή γραμμή,
που η δίνη
των λέξεων
ακουμπά
και γνέφει
τραυματισμένη
τη σιωπή μου.

Fictitious line

Smokes
of cigarettes
and mugs
full of coffee,
next
to the fictitious line
where the eddy
of words
leans against
and nods,
wounded,
to my silence.

Ιδανικά

Βουνά χιονισμένα,
μνημεία αρχαία,
βοριάς που μας γνέφει,
σκέψη που κυλά,
εικόνες βαμμένες
με ύμνους ιστορίας,
λέξεις επιγραφών
με ιδανικά γεωμετρίας.

Ideals

Snow-covered mountains,
ancient monuments,
a north wind that nods to us,
a thought that flows,
images imbued
with hymns of history,
words on signs
with ideals of geometry

Галина Климова

* * *

Песочные часы пустынь,
туго стянутых в талии
влажным поясом экватора,
сыпают,
как ссылают
время с севера на юг
и с юга на север,
прошлое в будущее
и – наоборот.
В стоячем напеве бархана
узнаю настоящее –
мираж одиночества
на экране вечности,
которая тоже – пустыня.
Туда,
поднимая песчаные бури,
жаля и жалуясь,
мчат адские ветры
чужих человеческих жизней,
на лету превращаясь
в планеты, звезды и ангелов.

Бессмертны имена любви!

* * *

...и дожили до зимнего времени,
всякий снег узнавая в лицо,
будь он вождь африканского племени,
с голубиное – вдрызг – яйцо.
Он то падал, то шел чуть живой
сечкой, хлопьями, пылью, пельменями,
сам в себя уходя с головой
по крутому пробору на темени,
по касательной всех, по косой,
чтоб за стрелкой успеть часовой,
разлетевшись до летнего времени...

Амарсана Улзытуев

Улан-Удэ

ЛОСИНАЯ ПЕСНЬ

Я способен любить лосих,
Может быть, я способен любить
В этом диком краю облепих
И глухих кедрачей, может быть.

Я привычен к инстинктам лосей,
Я приучен себя обрекать,
На соперников гордо глазеть
И на зорях крушить им рога.

И не хуже могучих самцов
Может быть, я умею трубить,
И на мой из утробы зов
Та, что любит, придет, может быть.

И тогда, на виду всей тайги
Я наполню лосиху мою,
Ведь способен я быть таким
В этом диком, глухом краю!

1982 г.

The pearl fisherman

Luis Benítez

Buenos Aires,
Argentina

This evening and part of the night
I sank again into the dense sea
where we beings and things float.
I descended for pearls to show to men
who fear even the risk of the border.
This evening and part of the night
I was amidst that silence, in that deepness
where the most infinite pleasure would be dissolving
and I knew that on all roads
there are monsters for those who fear them.
Swimming I arrived where there is no love or hatred,
you simply float over an eternal present
and everything you regard is your contemporary::
nothing else is carried by the tides.
I took this pearl and now offer it to you.
But when I have wanted to return,
I saw no man on the border.
I didn't see the border. All is the sea.
Those who fear the border
do not know they are walking on the sea.

Lao-Tse prepares a verdict

Nothing of what I say
may deviate the fall of a leaf.
A word will not
detain the other one.
It's useless for me to dedicate
a truth to these listeners:
they will turn it into pieces.
From its pieces Lao-Tsé will be born.

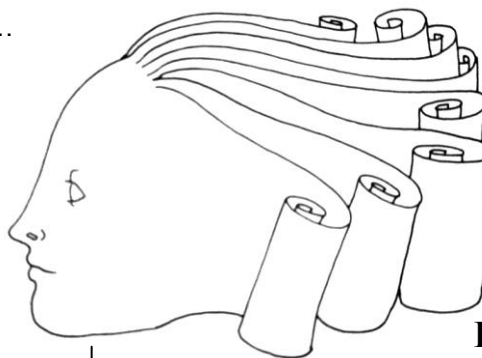

Рисунок
Кристины
Зейтунян-Белоус

Яна
Павелковская

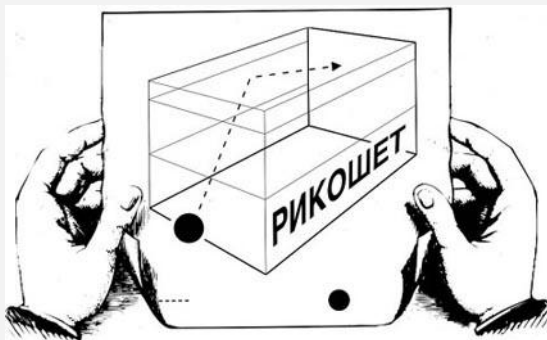
* * *

Несущий свет на кончиках ресниц,
Собравший вновь мозаику души,
Создавший мир без грубости и лжи –
Мой сладкий сон, мой младший сын, мой принц.

В мою ладонь вложивший нежный пульс,
И приникающий лицом к моей груди,
Принявший всё, что будет впереди,
Мой Будда, мой Спаситель, мой Иисус.

Рожденный мной в начале октября,
Невыразимый в чувствах и словах,
Вернувший смысл основам естества
Ты каждый день опять творишь меня.

**Виктор
Клык**
Вена, Австрия

Неограниченная законами во всех их проявлениях авангардная поэзия есть выражение внутреннего космоса человека homo beastianis и homo sapiens (человека звериного и человека разумного).

Традиционная классическая поэзия ограничивает поэзию только разумом, глуша и обрезаю всё подспудное эмоциональное, копящееся в человеке. Она как перевод поэзии с иностранного языка ограничивает, выхолащивает, подменяет и упрощает автора даже в лучших переводах. Только традиционная поэзия делает это значительно грубее, т.к. отрезает громадный пласт подсознательного в человеке, не оформленного по грамматическим законам речи. Неограниченное авангардное творчество, включая поэзию, освобождает человека от тесных рамок общественных и грамматических правил, которые как скелет человека сковывает его внутренние органы, особенно сердце и лёгкие. Оно даёт ему возможность более полно выразить весь комплекс чувств, переживаний и эмоций – в конечном итоге свободно дышать. Наибольшей полноты поэзия достигает при сплаве традиционной и авангардной поэзии.

13.05.09,
Вечер Авангардной поэзии в Вене

ПРИВЕТСТВИЕ ПОЭТАМ-ФУТУРИСТАМ

Сего дня вече
ВЕЧЕР ПОЭтов
чёрен вечер
светел зал
ал.
Сцена
сто ликов зала
мрамор столика
отражает возрождает.

Сцены мало
зал мал
мест мало
в нём стар и мал
все кто боготворит СЛОВО
БОГА творит словами
с нами.

Цены нет
поэтов словам.
Кедра крепче
крепче кедров КОСТЯ КЕДРОВ –
прошлое в ров

словам нет оков
Метаметафора БОГ

КАЦЮБЫ ЕЛЕНА
Комбинаторика
втягивает в себя –
омут нежный
стихает риторика
авангард в зал плывёт
переворот
плывёт на оборот
у зала открыты уши и рот

Вскрик петуха – взрыв для
бирюка
"Року Укор" – говорит
СЕРГЕЙ БИРЮКОВ
Нам урок
ЖИТЬ сейчас
назад и вперёд
вверх вниз вбок.
АВАНГАРД ЖИВЁТ!

Иван Чудасов

ст. научный сотрудник
Дома-музея В.Хлебникова
Астрахань

Гиперлипограмма – почти
предельная реализация аллитерации,
при которой в произведении
употребляются только определённые
гласные (или согласные). В данном
случае – только О.

СЛОВОЛОВ

Сквозь стопор строф,
Сквозь стопор строк –
Свободно, споро Словолов.

Сплошь строгость стоп.
Слог, словно столп.
СволОчь стожок со стопкой слов?

16.07.2006

* * *

Молодость – словно сон:
Только вот рос, рос –
Скоро срок похорон,
Скоро погост, снос.

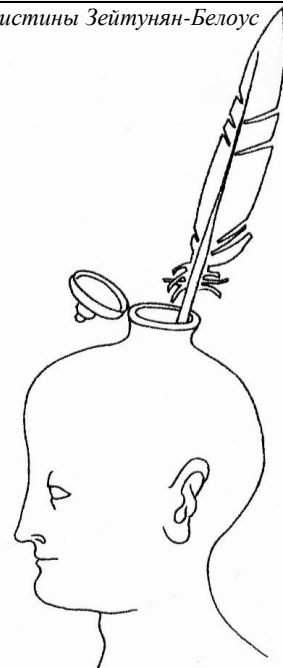
Плохо, хоть волком вой.
Но, поборов боль,
Вновь той дорогой в свой
Город, хоть он – ноль.

Молодость – столько снов!
В космос!, в поход в ночь!,
Бодрой тропой слонов
Гордо точь-в-точь мочь!..

Долог сон? Скромно стон,
Скорбно-больной вздох...
Короток... Что потом?
Только Господь Бог...

21-24.04.2006

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин, Ирландия

Левиафан, что учится превозмогать время

Десмонду Игану

Дожди сегодня расплескались
от Варшавы до Страсбурга
и небо вывернуто
темной своей изнанкой

В Германии темно
даже когда светло –
поет воздух в церквях

ах
если б не светильники разума
кто бы помнил что над Германией
есть другая Германия?

или это мания
трехмерности?

...потому что листья не знают корней дуба
и плавать легче на поверхности –
оловянно оглашает школьную мудрость
частокол капель

однако как объяснить это
Левиафану
что учится превозмогать время
под чайные говорение
земноводный шип
и шелест глубинных волн
своей души?

С о д е р ж а н и е

1 – Ремни времени; Из
антологии ПО.
2 – К.Кедров.
3 – А.Вознесенский
4 – Е.Кацюба, А.Коровин
5 – К.Зейтунян-Белоус,
А.Еременко, С.Бирюков
6 – А.Торхов, Н.Азарова
7 – К.Ковальджи,
А.Кессельман
8 – Л.Блинов, Е.Степанов,
И.Бессарабова,
9 – О.Ильницкая, А.Бубнов
10 – Н.Никифорова,
В.Месяц, А.Чернов
11 – О.Адрова
12 – Л.Тышкова,
А.Люсый, Ю.Хоменко
13 – Б.Лежен
14 – С.Минаков,
М. Бородин
15 – М.Бузник, О.Гардей,
П.Слущкина
16 – Ю.Борев
17 – Т.Бонч-Осмоловская
18 – Л.Григорьева,
Ф.Волосенков

19 – Г.Шевченко,
Ж.Дрогенброд
20 – Касански, Nadaa Sendoo
21 – Д.Григорьев
22 – О.Асиновский, А.Абчук,
Д.А.Пригов
23 – Л.Либерова, А.Рахман,
И.Кутик
24 – В.Куприянов, П.Целан,
И.Меликова
25 – К.Сапгир
26 – Т.Грауз, С.Гуракий,
В.Никитин
27 – О.Журавлева, А.Моцар,
М.Вяткин
28 – Л.Столвич,
А.Заболотская
29 – В.Монахов
30 – И.Яркевич,
Е.В.Харитоновъ
32 – А.Витухновская
33 – Т.Зоммер, А.Полонская,
D.P. Kraniotis
34 – Г.Климова, А.Улзытуев,
Luis Benitez, Я.Павелковская
35 – В.Клыков, И.Чудасов
36 – А.Кудрявицкий,
П.Ольденбург

Полина Ольденбург

Прага, Чехия

И М Е Н А

Мое имя Луна
длинной ночью
из глины белой лепила...
Напевала, жалела... Ждала
Господина на ужин...
Прогневила... Молила...
Шептала ему о любви...
Заплела волны Волги
в длинную косу льняную...
Обнимала июль,
невесомо парила над небом...

Ветер рвал – нелюдим –
карнавала кровавого правду...
Задремал, накренься, коренастый корабль...
Девальвация красной листвы,
инфляция дивных сугробов...

Моцарт нервной рукой
увертюру играет один...
Дико страсть берedit
организмы... И льды раскололо
ИМЯ ТВОЕ,
прогремевшее грозно над Миром!!!

«Журнал ПОэтов»

№ 10 (22), 2009

Учредитель группа ДООС
(Добровольное общество
охраны стрекоз) при участии
всемирной организации

писателей (Русский ПЕН-клуб), ассоциации
поэтических обществ UNESCO, Академии поэтов и
философов Московской академии образования

Натальи Нестеровой.

Главный редактор
доктор философских наук **Константин Кедров**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: Е.Кацюба
(ответственный секретарь); С.Бирюков, доктор
культурологич. наук (Германия); А.Бубнов, доктор
филол. наук; В.Вестстейн, профессор (Нидерланды);
А.Витухновская; К.Ковальджи; А.Кудрявицкий
(Ирландия); Б.Лежен (Франция); В.Нарбинова;
В.Рабинович, профессор Института культурологи.

Иллюстрации на стр.:

К.Кедров – 2
К.Зейтунян-Белоус – 1, 3, 5,
7, 8, 9, 12, 16, 18, 21, 22, 24, 26,
27, 30, 32, 33, 34, 35
Сатиш Гупта – 19
Г.Мальцева – 11
М.Аль – 15
Т.Брнч-Осмоловская – 25
Ф.Волосенков – 18
Ю.Лотман – 28
И.Ревякин – 30
А.Бакланова – 27

Фото на 1 и 4 стр.
обложки – В.Ахломов

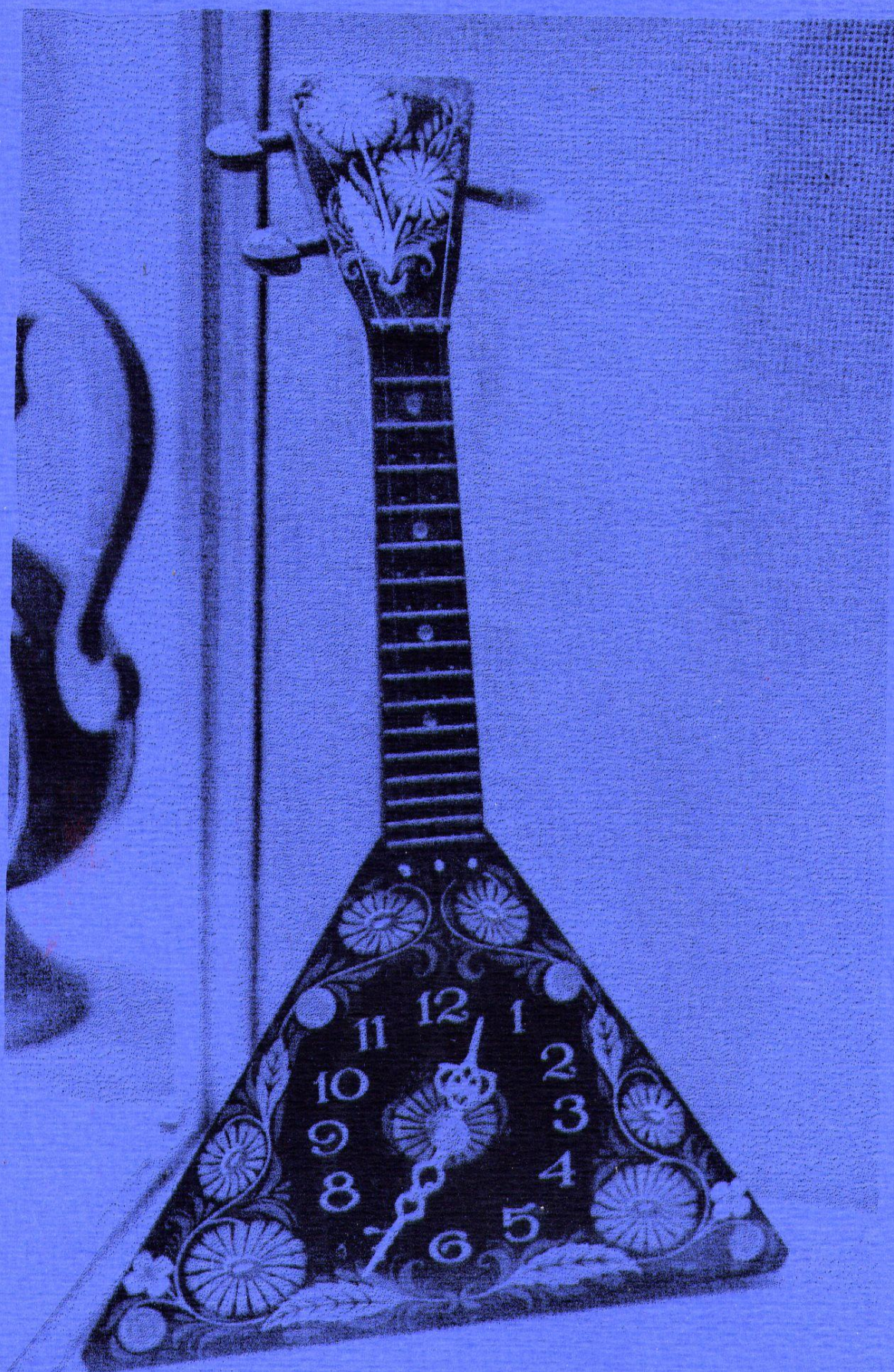
Дизайн номера
Елена Кацюба

Эмблема ДООС
Сергей Бордачев

Дизайн обложки,
знак РИКОШЕТ
Андрей Врядий

Отпечатано в типографии поэта Александра Еременко

Презентация Журнала ПОэтов № 10 «Ремни времени» в Литературном салоне Евгения Степанова 5 августа 2009 г.

Евгений Степанов. Самое главное сегодняшнее событие – это новый номер «Журнала ПОэтов» И сейчас я передаю слово главному редактору этого издания Константину Александровичу Кедрову.

Константин Кедров. Во-первых, я хочу сказать, что автор фото на обложке этого журнала – известинский ас Виктор Ахломов, ДООС-линзазавр. Он дал нам работы из своего архива. Этот номер называется «Ремни времени». Он посвящен гениальному стихотворению Маяковского: «Впречь бы это время в приводной бы ремень, — / Спустят с холостого – и чеши и сыпь! / Чтобы не часы показывали время, / А чтоб время честно двигало часы». Вот это такое прозрение философское, которое до сих пор не очень хорошо осмысленно. Ясно, что тут влияние теории относительности. И вы видите такую лошадку – попытка запрячь время. На последней стороне обложки есть русский вариант – балалайка-часы. Это тоже фото Виктора Ахломова. Отпечатан же этот журнал в типографии Александра Еременко. Не знаю, является ли это метаметафорой, но, несомненно, является поэзией. Из группы трех поэтов-метаметафористов – Парщиков, Еременко, Жданов – только Жданов почему-то отрешивается от метаметафоры. Но здесь присутствует поэт Саша Чернов, который изначально тоже был в этой команде, и у нас даже был в Симеизе в 1977 году такой импровизационный «съезд», с которого все и началось. Номер открывается моим вступлением «Ремни времени». Блаженный Августин говорил, что вроде бы все знают, что такое время, а на самом деле нет ничего более непонятного. И в конечном итоге он предложил гениальную гипотезу: прошлое – это воспоминание, будущее – это ожидание, настоящее – это переживание. Для меня она очень убедительна. Не знаю, как в физике, но в поэзии это так. В поэзии вечность – это когда настоящее (переживание), будущее (ожидание) и прошлое (воспоминание) сливаются вместе. Причем, я даже предложил Капице в передаче «Очевидное – невероятное» сделать «часы вечности». Когда время движется не по кругу и не из прошлого в будущее, а движется из прошлого и будущего сюда, в настоящее, вот по такой ленте Мебиуса, тогда вечность находится не в будущем и не в прошлом, а здесь и сейчас. Только поэзия ее переживает и видит. Вот чтобы люди видели эту вечность, чтобы они ее чувствовали, мы и выпустили этот журнал. Вот что о времени я написал (стр. 2). Дальше я передаю слово Елене Кацюбе, ответственному секретарю журнала.

Елена Кацюба. Обратите внимание, что это 10-й номер. Сегодня у нас небольшой юбилей. А если от начала, когда журнал был еще «Газета ПОэзия», то это 22-й – цифра-палиндром. В этот раз у нас большой текст Андрея Вознесенского – подборка, посвященная Пастернаку (стр.3). Весь номер оформлен рисунками Кристины Зейтунян-Белоус. Из новых авторов Алексей Торхов из Николаева (стр. 6), с которым мы познакомились в Коктебеле и сразу приняли его в ДООС. Еще новый автор, Наталья Никифорова (стр. 10), делится с нами своими мыслями о времени. Впервые у нас Леся Тышковская (стр. 12), ее многие здесь знают, она сейчас живет в Париже. Она теперь тоже ДООС – стрекозабочка, и представляет свою песню стрекозабочки «Невидимый мир». В Вене мы познакомились с музыкантом Юлием Хоменко, и здесь его два текста, очень музыкальных (стр. 10). Из Харькова Станислав Минаков с балладой «Вурд и голова» (стр. 14). Из Могилева Ольга Гардей (стр. 15). Также впервые у нас Татьяна Бонч-Осмоловская из Австралии со своими удивительными гномами (стр. 16). И человек, по учебникам которого мы все учили эстетику, Юрий Борева с замечательным вступлением к подборке своих стихов (стр.17). Петербургский художник Феликс Волосенков вдруг начал писать заумные тексты, здесь фрагмент его поэмы «Ердын бакро» (стр. 18). Бельгийский поэт Жермен Дрогенброд в переводах Анатолия Кудрявицкого с гравюрами индийского художника Сатиш Гупта (стр. 19). Эва Касански со сказкой «Загадки королевы» (стр. 20-21). Монгольский поэт Хадаа Сендоо (стр. 20), он только что выпустил антологию «150 поэтов мира», где от России, Вознесенский, Кедров и Евтушенко. Грек Димитрис Краниотис, причем, на греческом (стр. 33). Аргентинец Луис Бенитез (34). Петербуржец Дмитрий Григорьев (стр. 21), тоже у нас впервые, как и Олег Асиновский (стр. 22), Ольга Журавлева (стр. 27), Татьяна Зоммер (стр. 33), Яна Павелковская (стр. 34). Кира Сапгир с шахматным эссе (стр. 25), это как продолжение темы восьмого номера «Ладья – Лад Я». Доктор философских наук Леонид Столович, друг Лотмана, с воспоминаниями о Лотмане и рассказом о памятнике-фонтане (стр. 28-29). И даже Амарсана Улзытуев со своим очень старым стихотворением «Лосиная песнь», 1982 года. Тогда весь Литинститут цитировал строку: «Я напивно лосиху мою» (стр. 34). Завершается номер лунным стихотворением актрисы из Праги Полины Ольденбург (стр. 36). Время обычно связано с часами. Я хотела этого избежать, но мне не удалось. Вот такой визуальный текст «Маятник ПО Э.» У По есть такая новелла «Колодец и маятник». Что-то в этом роде. И вот песочные часы. Называется «Песок вселенной» (стр. 4).

Кедров. Я думаю, теперь слово Саше Еременко. Прочти что-нибудь.

Александр Еременко. У меня есть стихотворение с посвящением Парщикову:

Между солнцем горящим и спичкой здесь нет разногласий,
Если путь до звезды, из которой ты только возник,

Подчиняется просто количеству стертых балясин,
Мы споткнулись уже, слава богу, на первой из них.
Я бы магнием стал, ты бы веточкой кальция высох,
Сократился на нет, по колени ушел в домино,
Заострился в иголке, в золе, в концентрических осях.
Я бы крысу убил, поглупел, я бы снялся в кино.
В вертикальных углах, в героической их канители
Этот взгляд мимо цели и миниатюрный разгром.
Сон встает на ребро, обнажаются мели,
Полупьяный даос, парадокс близнецов, ход конем.

Кедров. Достойное Леши стихотворение. Я вообще должен сказать, что среди самых выдающихся авторов журнала Войтыла – папа Иоанн-Павел (№ 5, 2003 г. «Дао ДООСа»), который передал нам стихи для публикации в России. Это стихотворение Гюнтера Грасса, опубликованного у нас в переводе Андрея Вознесенского (№ 13, 2000 г. «Буклет тел куб»). И, конечно, Леша Парщиков, великий поэт, которого наша безумная, чиновничья критика умудрилась замолчать. Уже и слов нет, просто недоумение тихое возникает. Мы гордимся тем, что впервые напечатали его поэму «Нефть» (№ 11, 1999 г. «Улетающий квадрат»).

Александр Чернов. У меня сегодня двойная радость, потому что кроме «Журнала ПОэтов», который я забирал из типографии и держал в руках, можно сказать, горячим, я сегодня получил еще «Дети Ра», номер третий за этот год, где у меня вышла подборка стихов. И здесь произошла еще одна вневременная встреча – на странице 76 я обнаружил стихи Николая Гуданца, рижского поэта, моего очень давнего друга.

Кедров. Год назад мы с ним вместе выступали в Риге. Нас пригласили на гуманитарный семинар «Seminarium hortus humanitati». Он ведь тоже был наш студент?

Чернов. Да, он был другом Алексея Парщикова и моим. Мы с ним долго переписывались, но потом разошлись республики, как льды. Я рад, что могу снова его читать. А стихотворение для «Журнала ПОэтов» я написал за день до того, как мне предложили участвовать в очередном номере. Я даже не успел какие-то правки внести, а оно уже напечатано. Такая быстрота публикации, прямо не успеваешь сочинить (стр. 10).

Кедров. А вот на 11-ой странице есть такая черепаха. Конечно, черепаха символизирует время в мифологии, но скорее она символизирует вечность. Автор – художник Галя Мальцева, наш друг и ДООС. В каждом номере есть Галина графика и графика ее сына, тоже ДООСа, художника Андрея Врядия. На обложке предыдущего номера стрекоза – это его творение. И тоже Виктора Ахломова палиндром фотографический. Теперь Ольга Адрова. Она начинала как ученица Петра Мамонова, а теперь это совершенно своеобразный поэт, активнейший ДООС – рок-стрекоза.

Ольга Адрова. У меня есть цикл такой, герои которого Лиля Брик и Маяковский, в частности это стихотворение тоже им посвящено (стр. 11).

Кедров. Вот пришел автор двух диссертаций по палиндрому, теперь уже мой коллега по Московской академии образования Наталья Нестерова, ДООС-палиндрозавр Александр Бубнов.

Александр Бубнов. Здесь в номере несколько палиндромов и монопалиндромов. Сначала отсылка на самый известный русский палиндром: «А роза упала на лапу Азора». Там если вставить частицу «не», то будет снова палиндром, но уже с другим значением, трехстишие (стр. 9). Вот еще одна такая форма, когда тавтограмма или акrostих сочетается с монопалиндромом. То есть это четыре слова, все четыре слова начинаются на одну букву и выстроены в столбик: И еще такая форма, когда палиндром сочетается с омограммой или пантограммой, то есть когда словоразделы меняют свое расположение, и получается другой смысл. А дальше здесь представлено заумное палиндромное хокку, где каждое слово является палиндромом, а в обратном – через вариант. И в завершение такое, полубиблейское, полуфилософское.

Кедров. Для меня все равно остается загадкой, как это в одной голове укладывается. Вот я написал палиндром Лосеву:

Вес, о Лосев
Логика аки гол
Ешь, циник Ницше
Вея дребадан нал, о Бердяев
Икс не роль Флоренский

Но чтобы вот такие устраивать вавилоны... Феноменальное явление. Это удивительный дар. Наташа Никифорова, замечательный новоприобретенный друг ДООСА и журнала.

Наталья Никифорова. Я очень благодарна Константину Александровичу и Лене за то, что они пригласили меня в журнал и нашли возможным разместить мои мысли о времени. Многие, наверное, замечали, что с возрастом жизнь как-то очень убыстряется, минуты просто пролетают и года. Такое впечатление, что уснул, проснулся – новый год. Вот об этом я размышляю в небольшом эссе (стр. 10).

Кедров. Так и будет всегда в русской поэзии, я уже понял. Единственная ошибка футуристов – они думали: вот писали, как Пушкин, а теперь будут писать, как Хлебников. Ничего подобного. Так и будет всегда, по принципу дополнительности, то, что мы называем пушкинской, традиционной поэзией, хотя уже давно и Хлебников традиционный. И все же анаграмма и палиндром до нас были как бы некий кунштюк, а сейчас это вошло, поэты этим владеют. Это как обретение объема в эпоху Возрождения. Писали, писали на плоскости, были всякие теории, как делать перспективу – не получалось. Пришел Леонардо, и получилось. Вот и тут пришел такой коллективный Леонардо, и вот уже и анаграммами владеют, и палиндромом, большой прорыв. И тоже наша критика ничего не видит, ничего не слышит, ничего не замечает, продолжает свое долдонить.

Маргарита Аль, она выпускница факультета Поэтов и философов, где я являюсь деканом, где преподает сейчас и Бубнов Саша. Маргарита и художник, и философ, мы с ней книгу только что выпустили. Она ДООС – стрекозАль. Мы ее посвятили за феерическое, совершенно неожиданное выступление в Коктебеле. Она развернула огромное воздушное фиолетовое покрывало – облако, бросила его на землю, опустилась на колени и воскликнула: «Не Смерти боюсь – боюсь Несмерти!»

Маргарита Аль. Я к поэзии отношусь, как к образу. Я художник и в некоторой степени философ, и я пытаюсь сделать эти образы зримыми. И, конечно, для любого образа нужно пространство. Облака у меня с собой нет, но я попробую без него (№ 9, 2009 г. «Палиндронавтика»).

Кедров. Сейчас я с большим удовольствием предоставлю слово когда-то моей студентке Галине Климовой. Она выпустила две замечательных антологии «Музы Москвы», а вместе с болгарками выпустила антологию «Из жизни райского сада». Она делает много для того, чтобы лучшая половина человечества в поэзии была представлена достойно.

Галина Климова. Я прочитаю стихотворение в рамках темы (стр. 34). Спасибо, что ДООС существует и что вы нас издаете.

Кедров. Считается, что Евгений Степанов – минималист. Да, этот момент присутствует, но прежде всего он поэт-инсталлятор. Как Давид Бурлюк. Что бы Бурлюк ни написал, это никогда не перекроет того, что он открыл Маяковского, что он группировал вокруг себя футуристов. И то, что сделано Евгением Степановым, это уже навсегда в русской поэзии, и никаким каленым железом не выжечь. Сейчас время разъединения. Почему так произошло, я не знаю, но это факт. Все врозь, все разъединены. Вот когда-то напечатала «Юность» одно стихотворение Губанова, и вся страна читала, и вся страна знала этого поэта. Теперь этого нет. Хоть печатай, хоть не печатай. И поэтому такая объединяющая сила, мощная поэтическая инсталляция начала XXI века – это очень сильное творческое начало. Я уж не говорю об этой массе журналов. Что касается эпистолярного жанра, то тут тоже очень четкая, очень принципиальная, продуманная внутренняя позиция, которая мне очень нравится: это фиксация не себя во времени, а времени в себе. Это если касаться сегодняшней нашей темы. То есть Евгений Степанов, насколько я понимаю, так же, как и я, считает, что время само по себе – его нет. Оно есть только тогда, когда мы его так или иначе переживаем. Поэтому когда он пишет – такого-то числа, Есенинский бульвар: «Хотел написать стихотворение, но не смог», – это уже классика. Я уж не говорю о мемуарном так называемом жанре. Обычно считается, что мемуары надо писать потом. Ну, как я, спохватился и о Крученых пишу сейчас, когда полвека прошло. А Женя Степанов не так поступает: «Сегодня был у Елены Кацубы. Какие замечательные пироги». Вот такой примерно портрет, импровизационный.

Степанов. Спасибо, Константин Александрович. Я хочу сказать, что очень рад новому номеру «Журнала ПОэтов», действительно замечательное издание, долгожданный номер, уже второй подряд. И появились новые авторы, что особенно для меня ценно, и хорошо, что сохранились все старые. И мне приятно, что в самый последний момент и я сюда каким-то образом притулился. Это для меня очень ценно, тем более что это буквально два последних стихотворения, и они вошли в этот номер. Называется «Стотысячное объяснение в любви» (стр. 8). И второе стихотворение, посвященное Леночке Зейферт, которое я только что написал, а Леночка Кацуба это тут же опубликовала.

Кедров. А вот пришел кримозавр – Андрей Коровин. За опоздание положено штрафной стих.

Андрей Коровин. «однажды я съел кофейное зёрнышко...» (стр. 4).

Кедров. Хочу высказать благодарность всем авторам: так или иначе, но все высказались о времени. Выяснилось, что это проблема не столько даже философская, не столько поэтическая, сколько общечеловеческая. И выяснилось, что мы о времени несколько больше знаем, чем те, кто находятся за пределами этих стен. Я подозреваю, что даже немножечко больше, чем академик Гинзбург и прочие ребята. Потому что для нас время, как для блаженного Августина, – это, прежде всего, переживание. Независимо оттого, воспоминание это, или предчувствие ожидаемого, или это настоящий момент. Все равно это заполнено нашим чувством, и мы так или иначе стараемся передать это. И журнал этому яркое свидетельство. А дальше передаю бразды правления Евгению Степанову.

Степанов. Друзья, я считаю, что у нас прекрасно идет вечер, и я вижу многих поэтов, которые пока еще не напечатаны в «Журнале ПОэтов». Кто хочет еще высказаться или что-то прочитать?

Виталий Владимиров. Я хотел бы сказать больше реплику, чем выступление. Действительно прав Константин Александрович, тема этого номера связана с поэзией. А если по ходу выступлений, то меня потрясает Степанов, который выступает с точки зрения человека, прожившего не всего 45 лет, а уже прошедшего, как я, 70. И эки у него там, и все остальное, и все это он посвящает молодой девушке. Это вот, кстати, о времени и об ощущении времени. А что касается того, что говорил Константин Александрович, вы знаете, я хотел бы добавить одну интересную, как мне кажется, мысль. Есть такая общеизвестная фраза: «Мысль изреченная есть ложь». Я считаю, что она правомерна вот почему – она вырвана из контекста времени. Все, что написано, что на странице появилось, – это вырвано из контекста времени, и поэтому ощущение, что это неправда, что это не истина, что это в какой-то степени ложь. Но зато при этом сила поэзии такова, что она возвращает читателя во время в другом объеме и в другом совершенно восприятии. «Время – это пуля, которая летит в тебя», – я написал это, не зная, что такое же сравнение существовало и раньше. Ко мне пришла девушка. Я спросил: «Сколько у тебя времени?» Она взяла будильник, положила циферблатом на тумбочку. И родились стихи: «Были изгнаны часы / твоим чудесным появлением. / Перед лицом твоей красы / стоит растерянное время». Замерло мгновение, перестало существовать.

Елена Зейферт. В первую очередь хотела сказать несколько слов об этом удивительном журнале. У меня возникает впечатление, что это явление многомернейшее, потому что он достаточно тонкий на вид, но каждый фрагментик этого журнала адекватен целому. И такие звезды соединились в этом журнале, у каждого своя орбита, и в ней вращаются другие поэты. Здесь наиболее значимые издатели, поэты, одновременно издатели и поэты. Я в марте писала статью про Александра Еременко, именно как про поэта-издателя. И мне было интересно написать именно о нем, подметить тенденцию, что уже каждый значимый поэт старается тиражировать то, что происходит вокруг него. В Москве очень много крупных поэтов, которые одновременно являются издателями. Это и Константин Кедров, и Евгений Степанов. Приятно, что люди думают в первую очередь о других. Я бы не сказала, что издательское дело – это благодарное дело, потому что здесь не только материальный может быть ущерб, но и моральный. И я очень счастлива быть сегодня здесь, видеть этот журнал, потому что он меня очень впечатлил. Я краем глаза видела, что там используются разные языки, но даже разные алфавиты. Хотя алфавит поэзии – это единый алфавит.

Татьяна Данильянц. Я бы очень хотела опубликоваться в этом журнале, но у вас есть такое эксклюзивное условие, чтобы это было написано специально для вас. А я всегда думаю, когда его листаю, особенно с графикой Зейтунян-Белоус, что это должно быть что-то особенное. И когда я шла сюда, я сказала себе: я прилюдно объявлю, что я пишу специально стих для вас. Журнал, конечно, удивительный. Я дома нашла книгу, целую антологию, которая включает в себя все журналы. В Академии Нестеровой была презентация. И когда я стала ее листать, буквально две недели тому назад, я вдруг поняла, какой объем работы был осуществлен вами за эти годы. Поразительно! Притом, что это абсолютно живая материя.

Юрий Перфильев. Да, «ремни времени». Здесь у Владимира Владимировича явная связь с теорией относительности. Поэзия знала о теории относительности до Эйнштейна и до Владимира Владимировича Маяковского. Знала. Через язык. И именно поэзия открывает здесь некие пласты.

Юрий Арго. Хочу внести маленькую лепту в ту поэтическую кунсткамеру, которую представляет наше объединение. Тем более что тема сегодняшнего заседания очень под такое определение подходит, потому что тут представлены совершенно необыкновенные стихи по форме и по содержанию, отличающиеся от тех «бутербродов», которыми мы обычно питаемся. Поэзия действительно на каждом своем повороте, на каждом шаге сталкивается с тем, что как это трудно все передать. То, что ты чувствуешь, что ты видишь. Все слова донельзя стертые, а ты в первый раз все это переживаешь. Вот я стою посреди Франции, передо мной старинный замок. Я бывший советский человек, который никогда в жизни не должен был этого увидеть. Это туманное утро, эти два всадника, которые скачут туда и сюда по мокрому лугу, и великолепный замок в тумане. Это такая картина! Сама по себе очень красивая. Я мог этого не увидеть, потому что я мог не родиться. Ведь это случайность, что я родился. Как эти все случайности, которые сразу

сошлись в этот миг, как это передать? До сих пор не могу это передать, я пытаюсь это описать, но все чепуха получается, не стоит измаранной бумаги.

Степанов. Все, что вы сейчас сказали, – это прекрасные стихи.

Арго. Я понял только одно тогда, что вот это «мысль изреченная есть ложь» связано с тем, что ты сталкиваешься с неизмеримым пространством и неизмеримым временем и с фактом невероятности своего существования. И это над тобой довлеет, если поэт не дает тебе покоя. Отсюда все невероятные изыски формы и невероятная начинка, которая втискивается в эти формы. Не от какого-то поиска хитросплетений, нет.

Кедров. Золотые слова. Сельвинский где-то перед смертью задумался, а советские поэты только перед смертью о смерти задумываются, и изрек: «Я всего лишь молекул случайная доза, / а эта случайность возможна и впредь». Вот ошибается Сельвинский. Невозможна эта случайность, вы правы. Каждый из нас «молекул случайная доза»? Да не случайная. И кстати, к вашему замечательному высказыванию, что поэзия знала о теории относительности. У Жуковского: здесь мгновенно, там – всегда. И теория относительности, и принцип неопределенности – все здесь. А в одном из посланий апостола: для Бога один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Но тут надо понять одну очень интересную вещь: знала и не знала одновременно. Современные поэты, которые не знают теории относительности, это не современные поэты. В 20-м веке случилась невероятная вещь: физика в какой-то момент обогнала поэзию. Поэты это увидели и переломили ситуацию. Это был грандиозный прорыв. Нильс Бор на меня оказал гигантское влияние, хотя я не математик и не физик. Бывают такие моменты, когда каким-то образом встречаются наука и поэзия. Одно дело, когда Бруно сказал, что мир бесконечен, это была теория научная, а другое дело, когда пришел Ломоносов и сказал: «Открылась бездна, звезд полна. / Звездам числа нет, бездне – дна». И это уже совсем другое. Он обжил это дело. Во многом поэзия, которую называют авангардной, обживает и пространство теории относительности. Это не значит, что оно второстепенную роль там играет, а просто она его по-новому открывает, обживает это пространство. Создает фактически новую реальность, расшифровывает те формулы, которые сам Эйнштейн, как выясняется, не очень-то понимал. Потому что в целом человеческое знание едино. И разделение на мысль и чувство – это неверно. Сегодня мы пережили много прекрасных мгновений, и пусть это время длится вечно.